

КТ1226167

Владимир АРИНИН

Женщинам читать

cc

РС ЧЛР+Н.

84 (2 РОС - РУС) 6
А 81

Аринин В. И.
Женщинам читать запрещено.

Корбаков В.Н.
Из живописного цикла «Гимн красоте» —
двенадцать вологодских ню.

Издательство «Грифон», г. Вологда, 1994 г.
стр. 96, ил.
ISBN 5-87913-003-7

© Издательство «Грифон», 1994
ISBN 5-87913-003-7

«Если кто усомнится в
правдивости написанного, то я
готов дать слово джентльмена:
это правдивее любой правды»

Джеймс Бонд, агент 007.

**Владимир Аринин
ЖЕНЩИНАМ ЧИТАТЬ
ЗАПРЕЩЕНО**

**Владимир Корбаков
заслуженный художник России
из живописного цикла
«ГИМН КРАСОТЕ»**

к 1226167

«Грифон»
1994

Если, по словам Достоевского, красота спасет мир, то это будет красота женщины.

Женщина — удивительное существо. И меня как художника не могла не заинтересовать и не поразить красота ее форм, линий, всего ее облика. Считаю, что уровень цивилизованности общества определяется его отношением к женщине. И в этом должно большую роль сыграть искусство. Для моего творчества в последние годы женская красота стала главной темой. «Гимн красоте» — так называлась моя выставка 1992 года, посвященная женщине. И я благодарен издательству «Грифон» и писателю Владимиру Аринину за то, что репродукции моих работ появились в этой книге.

Владимир Корбаков,
заслуженный художник России

РЯДОМ С ТРУПОМ

Если честно признаться, положа руку на сердце, я не могу сказать, что люблю людей.

Такое открытие в самом себе, которое поразило меня самого, я сделал много лет назад, будучи еще молодым.

Впрочем, нет.

Начинать надо не с этого.

А прямо с описания преступления, которое произошло много лет спустя и словно вырвалось из моей больной души.

***

... Впоследствии она вспоминала — никакого предчувствия не было.

Ни малейшей опасности им не угрожало, да и откуда могла взяться какая-либо опасность в центре тихой Вологды, в гостиничном номере «люкс»?

И еще запомнилось их отражение в зеркале, которое уже не повторится. Они подняли бокалы с рислингом, и она посмотрела как бы со стороны на их отражение и подумала — как все-таки они контрастируют друг с другом: он кругленький, с уже заметным брюшком, а она элегантная, стройная, с редкой «осиной» талией.

Но такой контраст был по-своему даже пикантен.

Все их считали удачной парой: она искусствовед, только что закончила МГУ, защитила диплом по Кандинскому, он — преуспевающий коммерсант. И

невозможно было даже в самом дурном сне вообразить, что может произойти такое.

***

И в самом деле, никогда еще в Вологде не происходило такого странного преступления.

С самого начала следствие отнесло его к разряду сексуальных преступлений, что в конечном итоге оказалось правильным.

Тем не менее произшедшее поражало воображение своей причудливой странностью.

Разумеется, в Вологде происходили сексуальные преступления и пострашней этого.

В 1978 году город был потрясен делом сексуального маньяка Сахарова, который на своей машине увозил девушек в лес, насиловал, убивал и сжигал их трупы.

Тогда, во время суда над Сахаровым, в городе возникли своего рода народные волнения.

Собравшаяся перед зданием суда толпа способна была совершить самосуд над преступником, и милиции пришлось спасать его — Сахарова вывели запасным выходом и спешно увезли в тюрьму.

Но обстановка в городе долго еще не могла успокоиться.

Ничего подобного, конечно, на этот раз не происходило; «дело Тенигиных» осталось в Вологде фактически неизвестным, его сразу засекретили, и только сегодня появилась возможность рассказать о нем.

Итак, 10 августа 1991 года москвичи, молодожены, совершившие свое свадебное путешествие, Глеб и Наташа Тенигины прибыли в Вологду и остановились в «люксе» гостиницы «Октябрьская».

Они походили по городу, побывали в музее, затем Глеб куда-то отлучился часа на два (как он пояснил — по делу).

Вечером молодожены были в гостях у местного художника Василия Ключника в его мастерской.

Вот тут произошла неприятность, возник конфликт между Глебом, с одной стороны, и хозяином мастерской Ключником и его другом, поэтом Клюквиным, с другой.

Из гостей ушли с испорченным настроением.

По дороге в гостиницу Наташа ничем мужа не упрекала, хотя именно его считала виновником ссоры. Когда же вернулись в свой номер, посчитала нужным предъявить счет мужу:

— Ну зачем же ты, Глеб, так? Зачем же себя ставить в такое неловкое положение? И приписывать себе подобное — будто ты книгу написал. Да еще с таким сенсационным названием.

— А может быть, и на самом деле написал, — глаза его сверкнули зло и чуждо, — ты в это не веришь?

— Как я могу поверить в подобное? Ты же никогда и ничего об этой книге не говорил!

— А вдруг я сознательно это скрывал от тебя... Хотел приподнести тебе сюрприз.

— Ой, Глеб... Это все несерьезно... Разве ты можешь написать книгу? Прости, конечно. Но это не твоя стезя.

Он насупился, помрачнел, потом полез в чемодан и достал папку оранжевой кожи.

— Вот, смотри. Не веришь... А это моя книга.

С крайним изумлением она открыла папку. Солидная рукопись. На титульном листе название — «Женщинам читать запрещено». В скобках — «Записки эротомана».

— Господи, — поразилась она, — на самом деле рукопись, целая книга. Почему же ты это от меня скрывал?

— Были причины, но давай пока не будем об этом. Завтра я тебе подробно все расскажу. А сейчас не хочу. Признаться, я расстроен этим глупым скандалом. Как-то до сих пор не могу успокоиться. Сколько времени? Ох, уже десятый час... Жаль, что я не сдержался...

— Жалеешь, что мы сюда приехали?

— Это была твоя причуда. А я всегда рад выполнить любую твою причуду. И ты это знаешь.

Ее причуда заключалась в том, что защитив диплом о Кандинском, она придумала себе свадебный маршрут — по вологодским местам, которые посетил когда-то этот знаменитый основоположник абстракционизма. Ведь вологодское путешествие сыграло когда-то в его творчестве огромную роль...

Конечно, Наталья понимала что просто вы-пендривается, отправляясь по подобному маршруту. Но на модных курортах она уже множество раз бывала, за границей жила. А тут своего рода экзотика. И что сделано — то уже сделано. Она поцеловала его.

— Мы будем любить друг друга, как Нина Андреевская и Василий Кандинский.

Он рассмеялся:

— Ну уж нет. Это ведь патология какая-то. Это ненормально.

— Как раз нормально. И не имей больше тайн от жены. Даже если речь идет о рукописи.

Он вздохнул, положил рукопись в ящик тумбочки прямо на пачку долларов.

— Давай немножко выпьем, — предложил он.

— Хорошо, — согласилась она, — только совсем немного.

Он принес из холодильника бутылку «рислинга» и апельсины. Разлил вино. Они выпили, помолчали.

— Глеб, давай ложиться.

— Замечательное предложение. Жду не дождусь очутиться с тобой в постели.

...Она быстро уснула. Как говорится — словно провалилась в черноту. Во сне ничего не видела, но было ей как-то тяжело. И вдруг почувствовала резкое мужское объятие. «Еще? — подумалось ей — Ведь недавно было...»

Она сонно забормотала, не открывая глаз:

— Глеб, не надо... Я устала.

И заснула снова.

Но вскоре проснулась — как от внутреннего толчка.

В номере горел ночник. На ее плече лежала мужская рука.

Но это был не Глеб.

Повернувшись, она закричала в ужасе. Это был незнакомый, чужой, полуоголый мужчина, лежащий рядом. Рот открыт, глаза закатились. Он был мертв.

Она стремглав бросилась к двери, дверь оказалась закрытой.

***

Что произошло в ту ночь в номере Тенигиных объяснить казалось невозможным. Из номера пропала только рукопись под названием «Женщинам читать запрещено». Даже пачка долларов в тумбочке оказалась целой.

А наутро в реке был обнаружен труп Глеба Тенигина.

ЗВЕЗДА КАНДИНСКОГО

Как это ни странно, но мне всегда казалось, что в деле Тенигиных есть какая-то противоестественная связь с фигурой художника Василия Кандинского, знаменитого отца абстракционизма, а также с его женой Ниной. И ее убийством. Это преступление, случившееся в Париже в 1983 году, также казалось совершенно необъяснимым. Признаться, я далек от творчества Кандинского, но он сам как личность и его жена, их необыкновенная

любовь, описанная шведской писательницей Реймерс, вызывают у меня неизменное восхищение.

***

Он был тогда уже пожилым человеком. И одиночным. Его слава была еще впереди. И вот однажды в его квартире раздался телефонный звонок. Звонила неизвестная ему девушка. Она просто-напросто передала ему привет от общих знакомых — по их просьбе. И все. Но ее голос его поразил, показался необыкновенным и глубоко взволновал его.

На самом ли деле ее голос был необыкновенен? Во всяком случае, она так не считала. И разумеется, большинство людей вокруг нее тоже так не считало. Но миниатюрная модеденькая студентка Нина Андреевская действительно являлась необычной девушкой. И не только потому, что страстно увлекалась искусством, поэзией, языками, историей, не только... Было в ее душе нечто такое, что он, чуткий художник, почувствовал даже по телефону. И это стало для него личным событием. Он написал тогда картину «Посвящение незнакомому голосу». И забыть ее голос не смог. Но они так и оставались незнакомы... Он шел своей неизведанной дорогой в искусстве совсем один. И как это ни парадоксально, переломным моментом для его творчества стала поездка в Вологодскую губернию. Когда он, рафинированный горожанин и интеллигент, вошел в крестьянскую вологодскую избу, почти сразу почувствовал: свою новую картину, которую замышлял, он напишет уже по-новому. И

впоследствии писал об этом так: «Ярко помню, как я остановился на пороге перед неописуемым зреющим. Стол, лавка, важная и огромная печь, шкафы, поставцы — все было расписано пестрыми, размашистыми орнаментами. По стенам лубки: символически представленный богатырь, сражения, красками переданная песня. Красный угол весь завешанный писанными и печатными иконами, а перед ним красно-теплящаяся лампада, будто что-то знающая, про себя знающая, таинственно шепчущая, скромная и гордая звезда».

Он написал свои «Вологодские мотивы» и нашел себя. И создал новое направление в искусстве — абстракционизм.

А с Ниной они встретились на одной из выставок в Москве. И он узнал ее по голосу.

Г.Реймерс пишет: «В 1916 году, когда они встретились, ему был пятьдесят один год, Нине же всего восемнадцать. В их встрече было что-то мистическое, какой-то знак судьбы, оба это почувствовали». С тех пор они всегда были рядом. В 1921 году его изгнали из красной России, в тридцатые годы предали шельмованию в Германии. Неизвестно, как бы сложилась судьба, если бы не она. Она дала ему силы перенести все испытания и стать знаменитостью на Западе. Правда, он оставался запрещенным у себя на родине, в России, вплоть до перестроечного времени.

Василий Кандинский умер в 1944 году. Она самоотверженно посвятила себя собиранию и

хранению его работ, «спасла наследие Кандинского» (Реймерс).

При жизни они не расставались ни на один день. Но она пережила его намного. В 1983 году она была убита в Париже. Убийство казалось странным, противоречащим здравому смыслу, не поддающимся объяснению.

БРАТЬЯ ЖУРБИНЫ

Сотрудник вологодского уголовного розыска Павел Журбин решил немного, на десяток минут, расслабиться. Отложил очередное дело, вскипятил чаю, открыл какой-то альманах и пробежал глазами публикацию о расследовании убийства Нины Андреевской-Кандинской.

Так сказать, немотивированное убийство. Ну мура, интеллигентская мура. У нас такого не бывает.

Раздался телефонный звонок. Из Москвы звонил родной брат Леонид Журбин, майор КГБ. Поприветствовали друг друга, обменялись семейными новостями. И Леонид спросил:

- Что новенького в деле Тенигиных?
- Сегодня выезжаю в Москву. Правда, много других дел. Но по этому все тебе доложу.
- Ты на другие дела наплюнь. Поверь моему опыту — это дело наиважнейшее. Усек?
- Усек.
- До встречи.

Леонид повесил трубку, а Павел лишний раз с удивлением подумал, что неспроста Ленька, умный

мужик, прицепился к этому делу. Верно, дело само по себе небывалое. Свихнуться можно. И не знаешь, за какую ниточку потянуть... Все же, кажется, ниточка имеется. Это звонок Тенигину 10 августа.

Пострадавшая (то есть Наташа Тенигина) показала, что 10 августа около двенадцати часов кто-то позвонил в гостиницу. Наташа трубку сняла, мужской голос спросил Глеба. После телефонного разговора (она слышала только «да» и «нет») Глеб извинился перед ней и сказал, что отойдет на часок, у него деловая встреча. Но отсутствовал он около двух часов, и она уже начала сердиться. И тут видит в окно, что он возвращается в гостиницу, но идет не один, а с молодой девицей, видимо, художницей — несет ее мольберт. Как только он вошел в номер, она сердито спросила, почему он так долго отсутствовал и кто такая эта особа, которую он провожал. Он ответил, что его задержали вологодские партнеры по общему коммерческому делу, а что касается девушки, с которой он шел — она случайная знакомая, приезжая художница из Москвы. Шли вместе в гостиницу, он ей предложил мольберт поднести. Так все объяснял жене Глеб Тенигин незадолго перед смертью, видимо, ничего не подозревая.

А может, хитрил? Что-то скрывал от жены? Может, как раз все случившееся связано с этой художницей? Кажется, она, художница, появилась неспроста. Тем более, что есть очень важная улика.

В гостинице горничная по этажу видела, как поздним вечером, около одиннадцати, какой-то мужчина постучался в номер к художнице, и она его впустила. Приметы мужчины сомнений не вызывают — это был Глеб Тенигин. Тут, правда, горничная, по ее словам, на полчаса отлучалась и не знает, сколько времени он находился в номере.

Во всяком случае около двенадцати художница сдала номер горничной и сказала, что уезжает череповецким поездом в Москву. В номере мужчины уже не было. Но горничная видела — мужчина ждал ее на лестнице. В темноте она его, правда, не разглядела — там лампочку украли, поэтому темно. Но художница и мужчина ушли из гостиницы вместе. Выходит, если это был Глеб Тенигин, то он ушел вместе с художницей навстречу своей гибели.

Возникает версия — его убила эта художница, во всяком случае, их что-то связывало. Но что, неизвестно. А о художнице основные данные известны из гостиничной анкеты: Мария Александровна Струйская, 22 года, постоянно прописана в Москве, в уголовном розыске Москвы о ней никаких сведений нет. Чиста, ни в чем не замешана.

Но все же ниточка подозрений тянется в Москву. Ведь второй покойник тоже из Москвы. Удалось установить, кто он такой — Всеволод Петрович Кочетов, москвич, 30 лет. По картотеке московского уголовного розыска тоже никак не проходит. В Вологду приехал 10 августа.

Остановился в гостинице «Северная». Но, сняв номер, больше туда не вернулся. Оказался не-постижимым образом в постели рядом с Наташой Тенигиной и был убит. Тенигина уверяет, что никогда ранее его не видела. А может, заливает? Может, это ее рук дело? Она шлепнула Кочетова, а художница — в сговоре с ней — ее мужа? Нет, какая-то чушь получается. Надо ехать в Москву. Брат должен помочь.

И, конечно, надо выяснить, какое все же коммерческое дело было у Глеба Тенигина в Вологде, с кем он был здесь связан. И детально проследить, что же происходило перед преступлением вечером 10 августа в мастерской Василия Ключника.

ГОЛАЯ ТАИТЯНКА И ВОЛОГОДСКИЙ РОМАН СТАЛИНА

А в мастерской живописца и скульптора Ключника в тот роковой вечер происходило следующее: хозяин принимал гостей, потенциальных покупателей. Следует сразу пояснить, что еще недавно такой популярный художник, как Василий Ключник, как и многие честные советские художники, ныне попал в довольно трудное положение.

Его портреты и скульптуры ударников труда, передовиков производства, его индустриальные пейзажи не находили в наше смутное время спроса.

Всегда хорошо оплачиваемый и снабжавшийся художник впервые испытывал материальные трудности и пошел на отчаянный шаг — решил

продать любимейшую антикварную картину кисти неизвестного автора, русского самородка. Эту картину Ключник приобрел несколько лет назад в запасниках музея. Еле-еле выпросил уступить и очень гордился ею, показывая ее только тем, кому доверял. Картина хранилась в мастерской за занавесом и показ ее обычно завершал дружескую попойку. Хозяин просил внимания, отдергивал занавес, и гости немели. И было от чего — полотно было исполнено, так сказать, в духе поэзии Ивана Баркова: может быть, наивно, но с любовной тщательностью неизвестным художником изображался интимнейший акт между мужчиной и женщиной.

И вот теперь Василий Ключник решил расстаться с любимым произведением; в качестве возможных покупателей были приглашены супруги Тенигины. В мастерской присутствовал также друг художника — поэт и прозаик Федор Клюквин. Он должен был в некотором роде подготовить гостей к восприятию картины, создать соответствующую атмосферу. А сделать это было совсем непросто, поскольку компания подобралась не чисто мужская, в ней присутствовала дама, этакая тонкая московская штучка.

Потому сначала дипломатично поговорили о том, о сем, выпили, посмотрели работы хозяина мастерской. После чего хозяин предложил послушать отрывок из нового прозаического произведения Федора Клюквина, и в этом

предложении уже был своего рода намек, поскольку произведение носило многообещающее название «Сексуальная история Вологды».

Взволнованный автор согласился прочитать отрывок. Он прокашлялся, раскрыл рукопись и пояснил, что его сочинение можно считать документальным. Он ничего не придумывал, лишь использовал известные факты из истории города. Повествование — подобие «Декамерона», состоит из отдельных новелл и еще далеко не закончено. Но кое-что прочесть можно. Гости заинтересованно закивали головами — мол, читайте, не стесняйтесь. И Федор начал чтение:

«В начале нашего века вологодский дворянин Юлий Зубов, принадлежавший к старинному дворянскому роду, был личностью легендарной не только в родной Вологде, но и по всей стране. Ныне он незаслуженно забыт, хотя о нем в свое время написал известный писатель Сергей Марков. Юлий Зубов был один из первых русских авиаторов, ему в Париже сам Блерио, изобретатель аэропланов, особый значок подарил. Зубов объездил весь мир, побывал он и на далеком Таити. И вот с Таити привез с собой в Вологду красавицу жену, коричневую гогеновскую таитянку (о художнике Гогене Клюквин узнал, естественно, от Ключника).

Весь город бегал за таитянкой, когда она выходила из дома. В Вологде это было потрясение. И Зубов был очень доволен — он любил, когда все

поперек, не так, как в обыденности. Хотя, с другой стороны, он был вполне нормальный обыватель, горячо участвовал в обсуждении проблем уездного землепользования и занимался прочими земными проблемами. А к его таитянке в Вологде в конце концов привыкли, она уже потеряла престиж диковинки. А с этим-то Юлий Зубов смириться никак не мог. Его душе угоден был новый фурор, и Зубов начал его готовить. Тут как раз подоспело главное событие губернской жизни — осенний бал, который давал губернатор. Естественно, на него съехались самые сливки вологодского общества. Дамы — в самых лучших, изысканных туалетах, которые имели.

Юлий Зубов с женой-таитянкой прибыли, опоздав. Таитянка была в какой-то странной накидке. Все любопытствующие взгляды устремились на нее. Супруг усмехнулся, какой-то шнурочек сверху дернул, накидка мгновенно упала. И таитянка... оказалась совершенно голой! Как пишет Сергей Марков — «в первозданной красоте», как она ходила на своем Таити. Все обмерли. Потом испустили единодушное «ах!». На балу произошло смятение.

Конечно, первым пришел в себя губернатор и повелел слугам голую таитянку и ее супруга немедленно удалить. Но скандал произошел неслыханный... Это вошло в историю Вологды и достойно того, чтобы потомки знали о нем».

Федор закончил чтение. Слушатели посмеялись, похвалили автора, предположили, что книга у него должна получиться весьма любопытной, если и далее в таком духе пойдет. Польщенный автор заявил, что должно пойти. Вот и сейчас он работает над главой не про какие-то шуры-муры, а речь идет о вологодском любовном романе Иосифа Джугашвили.

Наташа заинтересовалась, что это за роман и когда он был. Федор пояснил, что происходило это в 1911 году во время вологодской ссылки Джугашвили. Жил он тогда одиноко, бедно, как бы в стороне ото всех, в том числе и от политзаключенных.

— Однажды, — рассказывал Клюквин, — в Вологде появилась молодая женщина, и шпики, следившие за Джугашвили, дали ей кличку «Нарядная». Его же они окрестили «Кавказцем». Джугашвили начал встречаться с «Нарядной» по 2-3 раза в день. Шпики-филеры по долгу службы фиксировали это в своих донесениях: мол, «Кавказец» опять приходил к «Нарядной», пробыл у нее час и пятнадцать минут, потом они гуляли еще час и так далее. Все эти донесения в архиве Вологодского жандармского отделения сохранились. Но самой «Нарядной» шпики не интересовались никаким, даже имени ее не установили. Это вам, дорогие товарищи, не КГБ с подробнейшими данными обо всех и вся. Другой был стиль работы. А потом «Нарядная» уплыла на пароходе по Сухоне,

а Джугашвили из вологодской ссылки бежал и со временем превратился в великого Сталина, вождя всех времен и народов.

А в Вологде остался в народе слух — мол, была у товарища Сталина в ссылке какая-то женщина и даже ребенок якобы родился. Простые люди всегда смотрели на подобные факты очень трезво и не допускали абстрактных платонических отношений, равно как и простой политической дружбы. Подобные встречи могут закончиться только ребенком — так считали в народе. И уже в советское время, в 1947 году первый секретарь обкома партии товарищ Лысенков отдал распоряжение соответствующим органам: разыскать «Нарядную» и установить истину. И органы ее нашли. Выяснилось, что она живет в Вологде, хоть родом была из Тотемского района. И у нее уже двое детей (не от Сталина, от законного мужа). Но муж ее осужден как враг народа, и она очень бедствует (но вину мужа не признает).

Получив такие сведения, товарищ Лысенков попал в очень сложное положение. Что делать? С одной стороны, вроде надо гордиться — найден близкий великому Сталину человек. Ей поклоняться можно — с ней сам Сталин личное дело имел.

Но с другой стороны — жена врага народа, о своих отношениях с великим Сталиным никому не рассказывала. Да и совершенно неизвестно, как сам великий вождь ныне отнесется к тому, что

разыскали в Вологде ту женщину, с которой он был связан. Тяжело переживал первый секретарь Вологодского обкома товарищ Лысенков то, что он имел неосторожность отдать распоряжение о розыске «Нарядной».

И принял тов. Лысенков соломоново решение — приказал эту бедную женщину «засекретить»: чтобы она о Сталине молчала, как прежде, чтобы все концы в воду... Так и до самой своей смерти в 1955 году прожила эта женщина засекреченной.

— Я эту историю по подлинным архивным документам пишу, — пояснил Клюквин, — документы теперь рассекретили, а для писателя — это интересный сюжет.

Рассказ Федора гостям понравился. И было такое впечатление, что соответствующая атмосфера вполне создана. И можно было вполне сменить, так сказать, пластинку.

— Теперь самая пора посмотреть картину, — сказал Василий Ключник.

Все согласились.

Ключник раздвинул занавес... Он ждал ошеломления (как на балу у вологодского губернатора от голой таитянки) и мысленно прикидывал, сколько можно запросить, желательно, конечно, в валюте. Но к горестному удивлению хозяина картины ошеломления не произошло.

Взять вот Клюквина, он хоть и видел картину десятки раз, все равно загорелся, а эти... хоть бы что, будто перед ними обыкновенный натюрморт

или какой-то пейзаж. Установилось напряженное молчание.

— Ну, что? — спросил уже несколько сникшим голосом хозяин шедевра. — Как впечатление?

— Извините, — сухо ответила Наташа. — Но мне кажется, что это наивно. К тому же мы порнографию не покупаем. Я, конечно, не ханжа, но порнографией не интересуюсь... Простите еще раз.

— А в чем вы видите здесь порнографию?! — встрепенулся хозяин, — написано в классической манере.

— Так называемая классическая манера, — промолвил Глеб, — как известно, давно устарела.

— Кому это известно? — возмутился Ключник.
— Скажите прямо, вы ведь интимной темы, признайтесь, испугались?

— Нас интимом не запугаешь, — ответил Тенигин, — что касается меня, то я недавно как раз на интимную тему книгу закончил. Называется «Женщинам читать запрещено». И границу между порнографией и эросом всегда провести смогу.

При этих словах мужа Наташа дернулась — зачем это он такое наговаривает на себя, какая там книга, не писал он никогда книг и писать не будет. Надо же такое ляпнуть.

Но Тенигин сделал вид, что не замечает реакции жены. И возник нелепый, честно говоря, спор между ним и рассерженным Ключником о том, что следует считать порнографией, а что искусством.

Были допущены резкости, обидные для спорщиков. Тут вмешался Клюквин и прямо спросил у Тенигина, какой он национальности и не является ли случайно сыном юриста. После чего незадачливым гостям не оставалось ничего другого как удалиться.

***

Оставшись одни, поэт и художник долго не могли успокоиться. Наконец, Ключник, махнув рукой, облегченно сказал:

— Ну и черт с ними. И слава Богу, что убрались. Не умру же я с голоду. Главное, картина у меня останется. Пойдем, Федь, по такому случаю возьмем бутылку.

Друзья отправились за бутылкой. И задержались, идти пришлось далековато, время было позднее. Когда с бутылкой возвратились в мастерскую, их взорам предстала ужасная картина. Оказалось, что от всех этих волнений Ключник забыл закрыть мастерскую, и здесь уже побывали воры.

К счастью, они ничего не украли из произведений Ключника, но все же разбили несколько бюстов передовиков и изрезали два индустриальных пейзажа.

Но увы! — похитили ту самую картину, порношедевр неизвестного русского самородка. Теперь она вполне может кануть в Лету. Но вместе с тем, по моему мнению, это лишний раз доказывает, что и простые люди, к которым относятся уголовники, в отличие от некоторых московских

снобов, тоже понимают, что такое настоящее искусство.

РАЗГОВОР С УБИТЫМ

Выходило так, что я встречался с автором рукописи «Женщинам читать запрещено» за несколько часов до его убийства. В тот день, 10 августа, когда произошло преступление, около полудня в редакцию газеты «Русский Север», где я работаю, пришел незнакомый мне молодой человек и принес рукопись. Он не представился, но пояснил, что приезжий, москвич, просыпал, что «Русский Север» печатает, не боясь, острые материалы, и потому нельзя ли что-то напечатать из его рукописи, ну вот хотя бы эту главку (в рукописи была сделана закладка). Я взглянул на название рукописи — «Женщинам читать запрещено» — и оно меня заинтриговало. «Оставьте рукопись, приходите завтра», — предложил я ему. Но он сказал, что завтра у него вряд ли получится, сегодня он уже скорее всего уедет в Москву. Я всмотрелся в него — глаза у него были мутные и какие-то влажные, одет обычно, по-московски, в импортную куртку, джинсы. Было что-то в нем и неприятное, и одновременно привлекательное. И я согласился прочитать эту главку сразу, на его глазах. Прочитал, озадачился, посмотрел также предисловие к рукописи. И все это меня еще более озадачило.

Я задумался... Речь в отрывке шла об убийстве вдовы Кандинского Нины. Используя западные публикации, автор рассказывал эту историю, и как

следовало из его рассказа, вдову художника убил некий Зубов, русский эмигрант, из вологодских дворян, дальний родственник известного авиатора Юлия Зубова. Оказалось, что убийца являлся когда-то однокурсником Нины по университету и был безнадежно влюблен в нее. Ее любовь к Кандинскому, человеку уже пожилому, а затем ее замужество он воспринимал как личную трагедию. Правда, к 1983 году, когда совершено было убийство, прошло много времени. Убийца был уже старым человеком, он страдал психическим расстройством и во время очередного приступа, видимо, как бы заново переживая любовную трагедию своей молодости, выследил Нину, тоже давно состарившуюся, и убил ее.

Полиция с трудом раскрыла это преступление, казавшееся немотивированным.

И странно для меня было то, что я прочитал все это в подобной рукописи. Было над чем задуматься...

— Так что? — прервал он мое раздумье. — Каково ваше мнение? Можете напечатать?

— Надо показать редактору, — ответил я. — Но на мой взгляд, напечатать можем.

Мои слова на него подействовали очень сильно, он даже в лице изменился.

Он начал меня благодарить, на что я резонно заметил:

— Но вы не логичны. В предисловии вы помечаете, что ваша рукопись написана прежде всего

для самого себя, для самопознания. Более того, вы сразу предупреждаете, что это — сугубо мужское чтение. И вы не хотели бы, чтоб хоть одна женщина прочитала ваше сочинение. Так почему же вы хотите эту главку напечатать?

— Постараюсь объяснить, тем более, что вы абсолютно правы. Видите ли, в целом я рассчитываю, что когда-нибудь в будущем моя книга будет все же издана. К тому времени никого из моих знакомых женщин и особенно родственниц не будет в живых. И никто из них не сможет испытать какие-то неприятные эмоции по отношению ко мне. Ведь никому из близких женщин мне не хотелось бы причинять что-либо неприятное. Но я тщеславен. И иногда соблазн публикации во мне почти неодолим. Потому я хотел бы увидеть в печати хотя бы небольшую главку.

— Понятно. И признаюсь, вы в этой главке как раз пишете о том, что меня самого и ранее интересовало. Если я вас правильно понял, вы считаете убийство вдовы Кандинского вполне логичным и психологически обоснованным, хоть оно совершено психически больным человеком.

— Вы меня правильно поняли.

— И далее вы полагаете, что по существу отношения мужчины и женщины глубоко враждебны. Потому что вы пишете: если мужчина не может добиться физической близости с женщиной и таким образом взять верх над ней, то ему психологически близка мысль об ее убийстве.

— Именно так. Поэтому, обратите внимание, я ставлю в своей рукописи эпиграф, который взял Мериме к «Кармен»: «Всякая женщина — зло, но дважды бывают хорошей: или на ложе любви, или на смертном одре».

— Любопытно. Но, разумеется, я не могу с вами согласиться.

— Это ваше право. Извините меня — я обманул вас, сказав, что сегодня уеду из Вологды. Это была моя, так сказать, военная хитрость. Мне очень хотелось получить от вас ответ немедленно. Извините великодушно. Поэтому я оставляю вам рукопись, ведь это один из ее машинописных экземпляров. Зайду за ней завтра.

Но назавтра он не зашел. Потому что, как я теперь знаю, был убит. А рукопись осталась у меня.

СВЯТОСТЬ И РАЗВРАТ

Эта рукопись вызвала у меня самое тяжелое чувство, так как ее автор — мой антипод. По крайней мере так я считаю. Но почему же есть в ней что-то притягательное для меня? Неужели она заключает в себе нечто такое, что тайно свойственно мне самому? В чем я сам себе не признаюсь, потому что подобное было бы моим внутренним крахом. Но признаться, я уже неоднократно возвращался к этой рукописи и перечитывал некоторые ее страницы, в зависимости от настроения — то те, то другие.

Безусловно, она написана человеком абсолютно развращенным. И он сам себя развратил. И потому

погиб. С юных лет у него была светлая и сложная душа. Целомудренная и очень наивная. Но он разрушил ее, хотя не считал это разрушением. В этом-то и заключен для меня искус его предсмертной рукописи. Потому я открываю ее снова, и сегодня меня тянет перечитать одну из первых глав. Он, ныне мертвый, пишет:

«Я — не теоретик, не философ. И не могу, как маркиз де Сад, создать свою теорию разврата. Впрочем, даже де Сад не был свободен внутренне и лицемерил перед собой, уверяя и себя, и общество, что он пишет о пороке, чтобы обличить порок. Тем не менее свою философию порока, свою философию разврата он создал. А я просто люблю разврат. Как Валковский у Достоевского. И не в силах объяснить, почему его так люблю. Может быть, потому что не приемлю обыденности.

Даже в самой приятной обстановке, в уютной, прекрасной квартире, за обильным и вкусным столом, среди красивых и удобных вещей — если это длительно и преобладает надо всем другим — я готов завыть волком. Я начинаю задыхаться в обыденности. И пытаюсь вырваться из нее. Как? За счет чего? Пьянства я не приемлю. Затуманенное, алкогольное одурманенное сознание — это не по мне. И есть для меня лишь одно самое верное и самое сильное средство — разврат. Оно всегда выручает меня. Более того, без него, как наркоман без наркотика, я уже не могу. И день, прожитый без разврата — для меня уже пустой, никчемный день.

Я ищу разврат постоянно, я атакую женщину (не развращаю, а заметьте — атакую постоянно и в любой обстановке). Если не получаю настоящего разврата, то довольствуюсь мелким развратом. Это — как живительный глоток свежего воздуха, дающий мне силы и обновляющий меня. После чего уже можно жить. Вам непонятно, что это такое — мелкий разврат. Поясню. О настоящем большом разврате речь еще впереди. А вот о малом следует, вероятно, сказать. Я отработал за долгие годы его «техническое», так сказать, исполнение, и «техника» моя безупречна, как у бразильского футболиста, когда он владеет мячом. Приемы одни и те же, хотя и кажутся разнообразными в различных условиях, слова одни и те же, нередко весьма плоские (в зависимости от интеллекта женщины) и словно записанные на пленку. Я знаю их наизусть. Ситуации также весьма стандартны.

Вот одна из них — частая, типичная — в гостях. Положим, хозяйка или гостья вышла на кухню покурить. Пойти вслед за ней, сказать несколько стандартных фраз о ее красоте (привлекательности), не дав ей опомниться — атаковать, хватать ниже пояса. Успех почти всегда обеспечен, особенно если рядом, в соседней комнате — муж. Это приятно обостряет чувства. Подобные ситуации у меня отработаны в других местах и обстоятельствах: в метро, на улице, в поезде, в электричке, на службе и т.д.

Таков малый разврат. Может, кому-то это покажется наивным или смешным. Но мне неизменно доставляет разрядку и удовольствие. И вполне соответствует женской натуре, так как с точки зрения женщин безопасен и безобиден (от подобного не забеременеть и не заболеть спидом).

Но напрашивается мысль — можно получить пощечину, нарваться на скандал. Смело могу заверить — это все лишь чисто теоретически. Если женщина уверена, что все это — «просто так», без последствий, если это никто не видит, то женщина почти всегда пойдет вам навстречу и с удовольствием доставит удовольствие. Женщины в большинстве своем более естественны, чем мужчины, и прекрасно понимают, что любая мораль — искусственна. Надо делать вид, что ее исполняешь, но глупо из-за придуманных моральных условностей отказывать себе, когда это возможно, в естественных удовольствиях. Даю честное слово — я сотни раз испробовал подобное на сотнях женщин и ни разу не только не получил пощечины, но и даже какого-то отпора. Я никого не развращал, а просто давал проявиться самой женской сущности. Но в чем же для меня заключается разврат? В чем его, скажем, отличие от секса? Секс, даже самый изощренный, самый изысканный, самый распущенный, все позволяющий и культивирующий вседозволенность — внеморален. А разврат — оборотная сторона моральных святынь. Да, есть, есть святость. Она, конечно, не в

искусственной коммунистической морали, а в каких-то высоких проявлениях духа. В таких понятиях речь уже идет о Боге и дьяволе.

Так вот разврат — сознательное попрание святынь. Никогда не падает тот, кто никогда не поднимался, не взлетал. Но тот, кто знал необъяснимую радость полета, тот знает и жгучую, страшную и неодолимую радость падения, когда тянет упасть все ниже, ниже, запредельно ниже... Я тоже поднимался и тоже упал...

***

Что-то святое есть для меня в моей первой любви, которую я никогда не забуду. Пораженный еще подростком загадкой женщины, я ждал ее как главное событие в моей жизни. Я был чист и наивен, как святой, как интеллигентный мальчик из хорошей семьи. К тому же из провинциальной семьи (мои детство и юность прошли в провинции, в консервативно-нравственной среде, которая в те времена в отдалении от столиц еще сохранилась). И вот произошло...

Был закончен девятый класс. Шли летние каникулы. В то лето мне необыкновенно повезло. Отец уезжал в Кисловодск отдохнуть по курсовке и взял меня с собой. Я впервые попал на юг. И все здесь было мне необычайно интересно — южная природа, курортный город.

Как-то увидел у подъезда театра огромную разноцветную афишу. Она зачаровала меня: на ней бравые усатые кавалеры фехтовали друг с другом

на шпагах, а дамы в старинных нарядах наблюдали за ними с балконов. Приезжая московская труппа давала «Сирано де Бержерак».

И опять повезло. Отец под вечер протянул мне билет:

— Сходи-ка в театр. Тут, понимаешь, среди нас, курсовочников, билеты распространяли, мне неинтересно. А ты вот сходи.

Я онемел от счастья. А отец продолжал уже с усмешкой:

— Пойдешь наверняка с барышней. Тут у меня за столиком земляк, из нашего города он. Так ему тоже билет вручили. А он с дочкой приехал. Она девять классов закончила. В театре и познакомились.

Я впервые шел в настоящий театр, ожидал чудес и все время по дороге боялся, что случайно потеряю билет.

В театре оказалось ослепительно светло. По фойе под огромной люстрой двигалась публика, черные костюмы, нарядные платья.

Я украдкой смотрел на женщин, прижавшись к колонне. Но самое главное, я ждал ее. Вдруг не придет? Неужели не придет?

Прозвенел первый звонок. Я поспешил найти свое место. Ужас — кресло рядом было пусто.

Погас яркий свет, в полумраке настала тревожная, волнующая тишина, изредка нарушаемая приглушенным шепотом. Вдруг сбоку раздались легкие шаги, я увидел краем глаза — в

свободное кресло рядом села девушка. На ней было голубое платье и в волосах большой бант.

Раздвинулся занавес. Зазвучала музыка. На сцене танцевали средневековые дамы и кавалеры: там шел бал. Потом появился высокий и длинноволосый Сирано — он читал стихи, негодовал, просил, умолял, взрывался, выхватывал шпагу... Действие шло своим привычным ходом.

Я был слишком взволнован, чтобы внимательно следить за спектаклем, но знал, что пьеса превосходна и все вокруг необычайно, замечательно, и девушка с бантом, лицо которой не успел рассмотреть, очень хороша собой...

...Так трудно сказать первые слова. Это было уже в антракте.

— Вам нравится?

Мы шли в проходе между рядами. Она повернула голову. Сейчас возмутится и отпрянет от меня в сторону.

— Вам нравится спектакль?

Она не возмущалась и не отпрнула. Она сказала:

— Нравится.

Невероятно! Непостижимо! Незнакомая девушка в голубом шла рядом со мной, я что-то спрашивал, она что-то отвечала, я слышал собственный голос и не верил собственным ушам. Гордость бушевала во мне.

Право, отличный спектакль был «Сирано де Бержерак», только антракты оказались гораздо интереснее.

"Вологжанин"

- самый "вологодский" банк

Интервью с первым заместителем председателя Правления банка Владимиром СИРОТИНЫМ

-
- Владимир Александрович, как возникло название Вашего банка? Насколько оно соответствует направленности Вашей деятельности?
    - Выбирая себе название, мы исходили из того, что ныне существует множество коммерческих структур с иностранными наименованиями, а нам хотелось своего, тесно связанного с родным городом. Так возникли название и наш девиз: «Банк «Вологжанин» - для вологжан». Вологда и прилегающий к ней регион - основное поле нашей деятельности. Мы стремимся вывести городские акции за пределы области, а в Волгду привлечь капитал из других областей. И всячески содействовать экономическому развитию родного города.
  - Что конкретно для Вологды Вашему банку удалось сделать?
    - Мы имеем самое большое число вкладчиков среди вологжан. На одном только «ВПЗ» десятитысячный коллектив получает в нашем банке зарплату. Мы приобщаем тысячи людей к экономической культуре. И, конечно, наш банк оказывает посильную разговорительную помощь церкви, домам престарелых, детским домам. Содействуем нашей культуре: художникам, картинной галерее. Мы работаем на благо вологжан, на благо родной Вологды.

Вологжане верят "ВОЛОГЖАНИНУ"

ПОТОМУ ЧТО...

- возникший лишь в августе 1992 года молодой перспективный банк ныне стал миллиардером,
- только за прошлый год его уставной капитал вырос в пять раз,
- сумма вкладов выросла в 82 раза,
- количество клиентов выросло в три раза,
- старые инструкции не тяготеют над банком, он использует все новое, прогрессивное

Банк "ВОЛОГЖАНИН"

Россия, 160000, Вологда,
ул. Батюшкова, 11

Телефоны: (81722) 5-18-19, 5-09-14,
5-03-90

Телефакс: (81722) 5-12-04

Время работы:

с юридическими лицами -
с 10 до 16 часов,
отдел вкладов -
с 10 до 19 часов

**Банк имеет несколько филиалов и
планирует их дальнейшее расширение**

г. Вологда:

ул. Ильюшина, 20
телефон 9-78-42,
ул. Батюшкова, 11
телефон 5-18-19,
Окружное шоссе, 17
телефон 3-60-44,
ул. Набережная VI-й армии, 45
телефон 2-03-91

Промышленно-коммерческая корпорация
"РУСЬПРОМСЕРВИС"

- оптовая, мелкооптовая и розничная продажа нефтепродуктов
- автомобили и автосервис
- инструментальное и пластмассовое производство
- продукты деревообработки

Телефоны в Вологде: (81722) 2-24-69, 4-83-38

Факс:(81722) 2-24-69   Телематип: 146988 НС

НЕДВИЖИМОСТЬ

- Инвестиции
в строительство
- Квартиры
в рассрочку
- Покупка
- Продажа
- Аренда

Вологда, ул.Ленина, 3
телефоны 5-46-98, 5-55-03 факс 5-55-63
Череповец, Советский проспект, 26
телефоны 7-42-77, 7-99-25 факс 7-81-45

ТОЧКА ОПОРЫ

Художник и модель

Пробуждение

Портрет молодой девушки

Красавица

Рыжая Оля

Мечты

Прекрасная Елена

Завтра свадьба

Сусанна и старцы

Юность

В ванной

Россия в августе 1991 года

Я проводил ее после спектакля. А вернувшись домой, не мог заснуть. Долго стоял на крыльце взволнованный и счастливый.

Звезды в черном небе надо мной были такие крупные, что, казалось, они сейчас будут падать вниз и больно стукать меня по голове.

Я глядел на них и шептал слова своей первой клятвы:

— Клянусь, что никогда не посмею обидеть ни одну девушку.

— Клянусь, что никогда не посмею подумать плохое ни об одной женщине.

(Если бы исполнялись все клятвы, даваемые в шестнадцать лет, сумасшедшая бы жизнь настала на земле).

***

Мы встречались каждый день. Любли рано утром пойти в горы, иногда поднимались очень высоко, шли, взявшись за руки сквозь облака, поднявшись, смотрели, как колыхаясь, они плывут у самых ног, на них хотелось лечь и плыть куда-то вдаль над землей, но налетевший ветер разгонял, разрывал их, гнал в ущелье — в разрывах открывался город, лежащий внизу, ровные линии улиц, красные, желтые, синие пятна крыш, зеленое половодье садов.

Я боготворил эту девушку. Когда считал себя в чем-то виноватым перед ней, то сам наказывал себя: оставался без обеда или ночью, сбросив с кровати матрац, спал на голой сетке.

Мир был прекрасен. И все люди вокруг были как родные. А она была сама чистота, она была святая, и даже в мыслях невозможно посягнуть на нее.

Но вот однажды — я ждал ее в конце аллеи, она немного опаздывала. Был сильный ветер, она бежала мне навстречу, порыв ветра чуть приподнял и тесно облепил вокруг тела легкое платье. Она была в трех шагах, я встал в растерянности. Я увидел, что она — не святая. Она — женщина. И у нее манящее обжигающее взгляд тело. Это было огромное открытие — она женщина, ее губы созданы для того, чтобы их целовать, ее тело создано для того, чтобы его обнимали и ласкали. Ее можно целовать, можно обнимать! И сразу же, в какую-то долю секунды промелькнули в сознании темные отголоски — от скабрезных анекдотов, от похабных историй, слышанных не раз... Но темные отголоски мелькнули и сразу же исчезли.

Это неприменимо к ней и к нам неприменимо. Нет, никогда не буду я ею обладать... Я отрекаюсь от этого. Конечно, мне ничего не предлагается, но я как бы сам для себя отрекаюсь. И внезапно огромная радость нахлынула на меня, я чуть не закричал от радости.

Целый вихрь пролетел в моей голове в считанные секунды, пока она бежала ко мне. Я с жадностью схватил ее протянутые руки. Это была она — нисколько не преувеличиваю — самая большая радость моей юности. Радость необладания.

Я и сейчас, столько пройдя, столько испытав, с удовольствием вспоминаю о своей первой любви. Это была вершина, на которую мне уже больше не удавалось подняться.

Моя жизнь переменилась, когда я стал московским студентом. Не сразу, конечно. Но переменилось все, а самое главное — душа. С нею, моей первой любовью, мы расстались, потеряли друг друга. И я думал, уже не встретимся.

Но все же встретились, почти через десять лет. Случайно. И удивившись, бросились навстречу друг другу. Мы были неудачники: она — несостоявшаяся актриса, я — несостоявшийся писатель. Потому мы так обрадовались друг другу. Но мы уже стали другими людьми.

И поспешно став любовниками, искали другие радости.

Конечно, уже и время было другое — все читали Владимира Соловьева о вечной женственности и Бердяева с его космизмом эроса. И особенно нас поразил этот чудик в русской философии — Василий Розанов. По нему получается, что рай — это как бы постоянный оргазм, вневременное сонтие. Так мы стали проповедовать — к Богу через секс. И докатились до того, что основали наше Тантристское общество «К Богу через секс».

Но все-таки я был всегда внутренне честным человеком и не хотел обманывать по крайней мере

самого себя. И вскоре понял — в сексе нет и не было ничего божественного. Об этом свидетельствовал сам Бог, изгнавший Адама и Еву за грехопадение. И церковь всегда толковала о первородности плотского греха. И не случайно великая русская классическая литература сторонилась этой вроде бы важнейшей темы. А все великие русские философы от Владимира Соловьева, толковавшие о божественности зроса, тоже вроде бы секса не замечали, забираясь в гибельные выси.

Но если в сексе не было Бога, значит, в нем был дьявол, соблазнивший Еву. И выходит, мы тоже служили дьяволу.

Я сказал ей, моей бывшей первой любви:

— Мы обманываем других.

А она мне сказала:

— Я это знаю. Сама догадалась. Вся эта философия в постели — просто мура. Я вернулась к атеизму. Я опять стала материалисткой. Так честнее.

А я не хотел возвращаться. Я служил уже той непонятной, темной, великой силе, которая заключена в женщине. Может, это есть не только не божественное, но и не дьявольское. Не знаю, что это такое. Но она существует, она — реальность.

И ее вершина — разврат. Только так я узнал, что такое женщина. И восхитился порочностью женщины, откровенно полюбив все то, что многие любят тайно, но в чем боятся признаться — все

бесстыдное, сладострастное, звериное, инстинктивное, мерзко влекущее. И все это я испробовал прежде всего на своей бывшей первой любви — на Лене.

ЖИЗНЬ ЕСТЬ БЕЛОК

Лена (она сама себя называет Елена) лежит на тахте и курит. И читает редкую библиографическую книжку, изданную аж в двадцатые годы — исповедь Романа Медокса, самого знаменного авантюриста в истории России. И Елене он, Медокс, очень нравится. Она чувствует свое родство с ним. Но надоело читать.

Забросила книжку.

На ней великолепные английские колготки, длинные Еленины ноги в прозрачных колготках стали еще длиннее. Елена все время курит — пепельница полна измазанных помадой окурков. В комнате плавят сизые туманы.

Скрипнула дверь. Отец. Что? Опять с нотациями, воспитывает. Опять стыдит. Опять о долге, о смысле жизни.

Ну зачем, а? Неужели, отец, тебе самому не надоело, неужели самому не скучно?

Смысл жизни? Знаешь что... давай объяснимся по-научному. Иначе друг друга совсем не поймем. Ты ведь уважаешь факты? Конечно, уважаешь.

Итак, только факты. Жизнь есть форма существования белковых тел. Правильно? Правильно! Но скажи, какой может быть смысл и долг у белка? Тем более, что твой белок и мой —

недолговечен. Он распадается. Он однажды — увы! — распадется.

А что останется? Да ничего, пустота.

Вот тебе и смысл, и долг...

Уходишь в другую комнату. Не хочешь больше разговаривать.

Ладно, извини. Не хотела тебя обижать. Я встану. Встала.

Я одна посижу. Опять одна. Поговорю сама с собой. Обхвачу коленки. Красивые у меня коленки. Потому мужики и лезут, и льнут. Надо с них деньги брать. Валютой. Так я давно бы стала миллионершей. Так нельзя. Это пресыщает и старит. А что делать, если в жизни есть только это. Любовь — это приятное принятие мужских гормонов. В конечном итоге, это полезное. Господи, как я вчера напилась. Мужик мне что-то про Белый дом заливал, ведь он там в аппарате служит. И мне показалось спьяну — мы с ним в Белом доме, в буфете. А за окном танки и омон. И они прут на штурм. Я как заору. Надо же так напиться.

Хочу лодку. Хочу бросить все к чертовой матери и уплыть в лодке. Чтобы плыть по огромной северной реке, а над берегами, над насупившимся лесом растекался кровавый закат. И меня обдули ветры и омыли воды. И, может, мне остаться в одной из деревень на берегу? В крестьянском просторном доме с лавками по стенам и русской печью в углу. Учительствовать. Читать ребятишкам Пушкина — ведь я всего «Онегина» знаю наизусть.

Боже, до чего все просто и хорошо.

Но как же театр? Ведь я еще не сыграла Раутенделейн. Я должна ее сыграть. И Генрих обнимет мои колени и скажет: «Ведь ты принцесса, Раутенделейн». И будет молить меня:

«Если сердцем ты мне сочувствуешь,
Освободи меня своей рукою
От этой жизни и земли суровой,
Где пригвожден я словно на кресте.
Освободи меня, ты это можешь...»

Нет, не буду я играть Раутенделейн. Таланта не хватит. И Гауптмана у нас не ставят. Кому он сейчас нужен? И как же все это получилось? Жизнь есть белок, вот и весь смысл. А все-таки неладная у меня судьба, а?

... Звонит телефон. Это ее шеф, Журбин.

— Лена, у меня есть задание, приезжай.

— Выезжаю.

— Погоди. Скажи-ка сначала. Ты читала такую рукопись: «Женщинам читать запрещено»?

— Конечно. Никто не читал, а я читала.

— Ну и как тебе?

— Очень нравится.

— А с автором давно не общалась?

— Он в отъезде, в Вологде. Звонил оттуда.

— И что сказал?

— Сказал, что берут печатать у него отрывок в газете «Русский Север», мол, был там и договорился.

— И все?

— И все.

ШТУРМ ВОЛОГОДСКОГО БЕЛОГО ДОМА

А в тот роковой вечер 10 августа поэту Федору Клюквину, певцу вологодского секса, приснился вещий сон, как бы таинственным образом воссоздающий картину преступления. Ему отчетливо привиделось, как в гостиничном номере спит молодая, красивая женщина. И к ней в постель ложится какой-то мужчина, но в него кто-то стреляет из полумрака...

Федя проснулся и подумал: «Эх, перебрал». Потом перевернулся на другой бок и опять заснул. И приснился ему снова вещий сон, но уже совершенно в ином роде.

***

Снилось ему, будто он, поэт Федор Клюквин, около памятника великому Сталину поет вместе с бойцами отряда «Вологодский конвой» песню на его, клюквинские слова. И на сердце у него легко, потому что всякой демократической сволочи они дали по мордам и Вологодская республика теперь спасена. Во сне Федору понятно, что все это происходит в некотором отдаленном будущем, ставшем явью, и независимость Вологодской республики торжественно провозглашена полгода назад, и это стало первым шагом к восстановлению СССР — вокруг Вологды. Но череповецкие сепаратисты, пользуясь помощью США и Израиля, подняли мятеж, их вооруженные формирования

нагло перешли границу Череповецкого района и вчера после тяжелых боев заняли станцию Дикая. А сегодня утром сложилась критическая ситуация в самой столице. Под покровом темноты бронепоезд ворвался на вологодский вокзал, и ударная сила череповчан — первый масонский полк завязал уличные бои на главной магистрали столицы, проспекте имени Михаила Архангела (бывшей улице Мира). Но при попытке сепаратистов прорваться к вологодскому Белому дому, где заседали президент и правительство республики, они напоролись, как на утес, на дом-музей товарища Сталина, который героически защищали бойцы отряда «Вологодский конвой».

Следует пояснить, что дом-музей товарища Сталина был по просьбе ветеранов воссоздан совсем недавно. И в его дворе был вновь установлен памятник вождю, преступно закопанный по приказу бывших властей в тайном захоронении и теперь оттуда выкопанный.

И вот, отбив все атаки, бойцы «Вологодского конвоя», расположившись около памятника великого Сталина, с воодушевлением пели новую, но уже популярную песню под руководством ее автора Федора Клюквина:

«Вологодский конвой
Шутить не любит.
Демократов в лагерях
Он приголубит».

Но тут раздался истошный клич: «Эльц-ман! Эльц-ман!», с которым демократы обычно ходят в атаку. Первым опомнился Федор Клюквин. Он бросился к пулемету и закричал друзьям: «Огонь, товарищи!» Но взглянув вперед, обомлел. И было от чего — на дом-музей Сталина наступала колонна совершенно голых женщин.

Вглядевшись в них, Федор опытным глазом сразу определил — это не какие-нибудь худосочные масонки и демократические проститутки-интеллигентки. Нет, на дом-музей Сталина наступали крепкие, самобытные вологжанки с такими знакомыми формами — сорок восьмого, пятидесятого и выше размеров. За ними двигалась пехота сепаратистов.

Среди обороныющихся наступило замешательство. Никто ничего не понимал. Лишь впоследствии выяснилось, что эти голые женщины не ставили своей целью наступать на дом-музей Сталина, совсем нет, это были купальщицы железнодорожной бани № 8, они, застигнутые в бане врасплох, просто спасались бегством от демократических насильников, которые воспользовались их обнаженными телами, как прикрытием. Но момент-то наступил критический.

И вот тут — как потом рассказывали в народе — произошло чудо: ожил и сошел с постамента великий Сталин. Он поднял руку и с легким грузинским акцентом произнес: «Братья и сестры! Дети мои! Вперед! За Родину, за Сталина!» Больше вождь уже

ничего не успел сказать, ему снарядом оторвало голову. Но и сказанного было достаточно, воодушевленные бойцы «Вологодского конвоя» рванулись вперед, навстречу голым вологжанкам, и опрокинули врага.

Может, народная молва что-то преувеличивала, может, и не ожидал памятник Сталина. Но факт остается фактом. Ведомые Федей Клюквиным бойцы сходу, безо всякой подготовки форсировали реку Золотуху и заняли пирожковую. Оставалось рукой подать до демократического штаба, но взять его, к сожалению, не удалось. В решающий момент патриотов не

поддержали ни боевики Михаила Сурова, ни соколы Жириновского, и силы оказались не равны.

Кроме того, сепаратисты стащили с постамента стоявший в виде военного памятника танк, привели его в действие, и танк двинулся прямиком к Белому дому. Развернувшись, он направил жерло своей пушки на Белый дом и начал расстреливать его в упор. Здание загорелось.

Так погибла Вологодская республика. Так погибла Вологодская демократия.

И никто не видел, как в дыму надо всем этим в выси летел ангел-золотые волоса. И плакал ангел-золотые волосы, и просил: «Господи, прости их всех. Господи, вразуми их всех и помоги им».

А Федя проснулся в холодном поту. Убедившись, что все это опять было только сном, снова подумал: «Все же на надо так крепко керосинить. Снится черт-те что...»

А может, в снах поэта являлось что-то пророческое, как знать? Ведь все мы были свидетелями, как в 1993 году начиналась история Вологодской республики. И наша молодая республика, ведомая областным советом народных избранников, уже прогремела на всю страну и уже обсуждали свою конституцию! Но увы — события пошли не так, как видел Федя. Однако его другой сон — о случившемся в гостинице — был прямо в руку.

Кроме того, Федя в тот день, накануне преступления, тоже заходил в редакцию «Русского Севера», и тоже видел здесь посетителя, принесшего мне свою рукопись.

ЭТО Я, НАТАШЕНЬКА

Я сразу вспомнил о своем посетителе, когда узнал о деле Тенигиных. И сопоставив факты, с содроганием подумал: «Ведь это ко мне приходил Наташин муж, убитый в тот же вечер. Надо же такому ужасу случиться».

Саму же Наташу я не только знал, но и была у нас с ней некоторая личная история, и мне довелось выслушать Наташину исповедь об ее интимной жизни. Мне это напомнило пресловутую повесть Лимонова «Это я, Эдичка» с той лишь разницей, что

не являлась литературным сочинением и была рассказана не мужчиной, а женщиной. Женщина, на мой взгляд, переживает «интим», как правило, глубже, чем мужчина, во всяком случае — большинство мужчин.

А познакомились мы с Наташой, когда она была в Вологде на практике. У нас с ней сразу установились взаимно заинтересованные, доверительные отношения. Меня она заинтересовала, потому что казалась юной советской «герлс», столичной супердевочкой, модной, красивой, сексуально-агрессивной, победно шествующей по жизни. Меня же она, как позже выяснилось, посчитала выделяющимся из среды, интересным человеком, потому ни моя провинциальность, ни солидный возраст для нее особого значения не имели.

Она, по ее понятиям, стояла выше. Выше, так сказать, общественных предрассудков.

И получилось так, что однажды я Наташе помог. Ее пребывание в Вологде тогда уже заканчивалось, а Наташа, имевшая вологодские корни, все еще не исполнила семейный долг, не побывала у бабушки в деревне под Кирилловым, как планировала. И вот настали последние для нее дни пребывания в Вологде, суббота и воскресенье, надо ехать, а билетов на автобус до Кириллова нет — лето, туристский «бум», все едут в Кирилловский монастырь и к знаменитым фрескам Дионисия.

Наташа, спохватившись в последний миг, несмотря на свое женское очарование, автобусного билета не достала. И бросилась ко мне, слезно прося помочь. И я помог: договорился с экскурсоводами туристического автобуса, чтобы они взяли с собой Наташу. Как раз в Кириллов и Ферапонтово ехала своим автобусом туристическая московская группа, выезжала из Вологды в субботу утром, а возвращалась сюда в воскресенье вечером.

Для Наташи это был как раз идеальный вариант, и в порыве признательности ей захотелось чем-то отблагодарить меня.

— Ой, как вы меня выручили! Что я могу сделать для вас? — она на миг запнулась, затем пристально посмотрела на меня. — Что ж... Я вас приглашаю с собой. Поедемте вместе.

Ее приглашение было своего рода обещанием — это чувствовалось... Но я ответил:

— Спасибо, Наташа. К сожалению, поехать не могу.

— У вас какие-либо проблемы?

— Нет, проблем нет.

— Вы отказываетесь поехать со мной?! — в ее голосе прозвучало столь сильное удивление, что невольно подумалось — подобный отказ она слышит, наверное, впервые в жизни. — Вы все понимаете? Вы же потом будете жалеть всю жизни!

— Увы, и простите, Наташа, не могу... Но все же воспользуюсь случаем. Мне бы было интересно,

если можно, услышать ваш откровенный рассказ о вашей жизни, в том числе интимной. Своего рода исповедь, только без всяких прикрас и с полнейшей откровенностью. Не могли бы вы пойти на подобное?

— А зачем вам это?

— Я собираюсь писать роман — о женщине, о любви, эротике...

— Что ж... — она на секунду задумалась. — Мне, пожалуй, и самой это будет интересно — все, абсолютно все рассказать о себе. Как бы вывернуться. Своего рода фрейдистский психоанализ. Я согласна...

— Но когда и где?

— Будете в Москве, позвоните. И мы договоримся.

Действительно, через некоторое время я оказался в Москве, позвонил Наташе, и она пригласила меня к себе домой.

Так я оказался в ее квартире (вернее, квартире родителей, которые жили за границей). Квартира была огромной, дом на Фрунзенской набережной — привилегированный, номенклатурный. К примеру, за стеной, как выяснилось, до своей смерти проживал пресловутый Лазарь Каганович.

Наташа принимала меня в своей комнате — стены оклеены афишами модных западных рок-групп, выдвинутый из стены небольшой бар с набором бутылок зарубежных марок, струящаяся откуда-то сверху тихая мелодия (радиоаппаратуру не сразу раз-

глядишь), полумрак. Сама хозяйка была просто великолепна — как невеста в белом платье, с глубоким декольте, с золотым медальончиком на полной округлой груди. Она вкатила тележку с «американским» (как сказала) сладким столом: ананас, бананы, груши, какие-то сладкие салаты, коктейли. С большим интересом разглядывал я и саму Наташеньку в таком наряде (в Вологде я привык видеть ее в фирменных джинсах), и обстановку ее комнаты.

Наташа мне улыбалась, любезничала, и я постепенно освоился, отдал должное превосходному угощению, поговорили о Вологде и Кириллове. А потом произошло главное — она «исповедовалась» передо мной. Рассказ ее был довольно продолжителен — около двух часов, я приведу его далеко не полностью, кроме того, разумеется, не дословно, запомнить все рассказанное, пересыпанное словечками жаргона «золотой» молодежи, я не мог. Потому перескажу, как запомнилось.

***

«Я с подросткового возраста — набоковская нимфетка. И Набоков для меня — один из любимейших писателей. Как вы к нему относитесь? Что? Не читали? И «Лолиту» не читали? Ах, да, извините, забыла, ведь Набоков в СССР запрещен. И прочитать его было негде. Понимаю. А для меня он — второй после Достоевского. Правда, героини Достоевского при всей их внутренней страстности как бы вне секса. А для меня личность начинается

именно секса. Да, я с этого начинаю. И интересных мужчин открываю для себя через секс. Уверена, что в сексе человек проявляется сразу и без всякой лажи. Даже если он и не очень сильный самец. В конечном итоге физиология не так уж важна. Важно, как это все воспринимается. Вокруг меня нет ни одного интересного мужчины, с кем бы я не занималась сексом. Впрочем, есть один. Это — вы. Вас надо в музее показывать. Но не считайте это комплиментом. Извините, конечно. Не обиделись, что я вас так обложила? Что с меня взять, я человек открытый. И абсолютно открыто с вами первым буду говорить, исповедоваться как перед священником. И для меня моя исповедь — тоже в какой-то мере особый, почти сексуальный акт, в некотором смысле бердяевское «самопознание».

Я никого никогда не любила. Люблю только себя. И вместе с тем люблю все. Например, модные тряпки. В тряпках надо уметь выпендриться, но не перепендриться. Люблю книги, друзей, искусство, путешествия, танцы, вино, фрукты, лес, солнце, море, особенно море. Если долго не бываю на море, начинаю скучать по нему, по его шуму, волнам, гальке. Но секс люблю более всего, это главная радость. Я живу им.

Конечно, бывали в моей жизни трудные моменты. В шестнадцать лет я чуть не умерла. Искололи иголками, грозил сепсис. Было так больно... И впервые ощутила — лучше умереть, чем так му-

читься. Это был ужас, о котором лучше не вспоминать, но и забыть нельзя.

А кто и зачем искалол иголками? Видите ли, я училась и воспитывалась в закрытом пансионе в США, ведь отец работал спецкором в Нью-Йорке. И дочери советских разных представителей — ну там дипломатов, журналистов, работников торговых предприятий — учились в закрытом женском пансионе. Безусловно, там были и условия прекрасные, и преподаватели высокой квалификации, и новейшие методики воспитания. Но это же был особый закрытый мирок со своими тайными жестокими нравами.

Воспитанницы делились на враждебные партии и как бы подражая гангстерским нравам, вели друг с другом тайную войну. И меня как раз искалоли девицы из враждебной партии — подстерегли в туалете и пытали...

Хорошо, что выжила...

Были в пансионе и другие, так сказать, «развлечения». Мы, такие милые девочки, дочки привилегированных советских родителей, устраивали иногда конкурсы... по матерщине. Так что я умею выражаться почище любого колхозного бригадира. Он ведь повторяет всего три буквы и еще кое-что, обходясь без большинства других слов. А здесь нужна фантазия. Хотите послушать мои конкурсные выражения?»

И она понесла... Думаю, Лимонову до нее было далеко. Это был для меня колоссальный контраст:

ангельские девичьи уста и виртуозный, грязнейший мат. И ей, думаю, доставляла удовольствие моя реакция, близкая к замешательству.

О многом свидетельствовал ее рассказ о родном пансионе. Можно не сомневаться — в этом привилегированном «советском» пансионе на американской земле не было ничего советского, здесь СССР с его идеологией и моралью был начисто разрушен задолго до беловежских соглашений.

Наташа перешла к рассказу о своих любовниках. Сколько их было — конечно, она не знает. Рассказывала о тех, кого запомнила. Это был очень длинный рассказ. Как потеряла девственность, как имела впервые пожилого мужика, как обучала сексу зеленого мальчика. Внезапно перешла к теме изнасилования. Ее насиловали дважды. Первый раз она сама спровоцировала это.

Привязался один знакомый в магазине, кстати, боксер, сильный мен. Но чем-то он был ей неприятен. Просто так она с ним не хотела и к нему не пошла. Но возник соблазн — не попробовать ли «изнасиловаться»?

Она нарочно оскорбила его. А выйдя из магазина, направилась в темный сквер. И он набросился на нее — этого она ждала. Пыталась сопротивляться, чтоб испытать себя, но какое там... Конечно, было страшновато. И неприятно — голой попой на мокрых листьях... Но зато есть, что вспомнить.

А второй раз — это уже было в Тбилиси, когда она путешествовала по Грузии. В баре ей понравился один грузин — молодой, изящный, знойный красавец. Села к нему в машину, поехала к нему на квартиру. А в квартире их оказалось четверо. Причем один уже старый, с благородной сединой.

Конечно, испугалась: вдруг озвереют, начнутся всякие извращения? И приказала себе: «Выкручивайся, ведь сама виновата». И выкрутилась, сделала вид, что все так, как надо, что она сама чуть ли не жаждала подобного — «впятером». И смеялась, и имитировала, что распоряжается ими, командует, объявляет свою волю... Все прошло нормально.

Она рассказывала подробно, наслаждаясь своим бесстыдством, даже читала стихи: «Есть чудо бесстыдства, оно несравненно...»

Я слушал ее и мне хотелось закричать: «Замолчи!» Но все же я дослушал ее до конца, подумав, что может быть, когда-нибудь запишу эту исповедь более подробно. Ведь если сознаться, то я и сейчас не отношусь к ней плохо.

А тогда я вышел от нее с измочаленной и опустошенной душой. Доехал до Кропоткинской, вышел, очутился у Музея изобразительных искусств. Я пошел в музей, бродил по его залам, вглядывался в полотна великих мастеров. Это мне помогло, внезапно я понял нечто очень нужное.

Я как бы задал самому себе вопрос: что самое распространенное в классическом искусстве, что чаще всего встречается? И глядя на полотна разных эпох, сам себе ответил: на первом месте в классике Бог. А на втором? И неожиданно легко пришел ответ: женщина и любовь к ней.

Я смотрел на прекрасные лица и тела женщин, которых давно нет на свете и думал — после Бога — женщина. Только она.

ОНА ОТКРЫЛА ДВЕРЬ

Ныне я уверен, что все случившееся с Тенигинами — это их расплата. Но ведь сама Наташа так не считает. Впрочем, сейчас пойдет речь о другой женщине — о Машеньке...

Именно на нее пало подозрение в убийстве Глеба Тенигина 10 августа. А накануне, 9 августа, она побывала у меня в гостях и переночевала в моем доме. Это была памятная ночь для меня.

***

Машенька уже уснула. А я не мог заснуть. Вышел на крыльце, и прекрасная, теплая августовская ночь, черная и крупнозвездная, охватила меня. Узкая полоска света от неприкрытой двери упала в темноту, образовывая длинную светлую дорожку. Ночная бабочка вилась над пунцово-красной головкой махрового мака, который вчера зацвел у самого крыльца.

Вдали светились огни города, за спиной спали деревенька, луга, река, лес. Моя «дача», где я живу в

летнюю пору, мой деревенский дом, купленный много лет назад — на самой окраине. Для меня он, как живой, наделенный своей особой жизнью с ее ночными шорохами, какими-то странными звуками, чуть поскрипывающими половицами. Ночами я всегда чувствовал, как сквозь его стены проникает тишина темных полей, лугов, леса, реки. Это была тишина, проникающая в самую душу.

Конечно, я обрадовался приезду Машеньки. Правда, у нее был снят номер в гостинице, но сегодня днем она добралась до моей деревеньки, до моего дома. Мы много бродили с ней по окрестностям, о многом говорили. В душе ее происходил, насколько я понял, внутренний перелом.

С юных лет она была бунтарка; как художник складывалась модернисткой, считала своим учителем Кандинского. И вот теперь в ее жизни все менялось.

— Конечно, Кандинский дал мне много, — говорила она, когда мы бродили с ней по лесу. — Он открыл мне цвет. Он прав: цвет это клавиши, душа — рояль. Цвет, воздействуя непосредственно на душу, может в какой-то мере открывать нам Бога. Но нельзя достичь этого полным разрушением формы. В конце концов это опасно. Поэтому для меня спасением стала икона. Я начала писать иконы. Две из них уже освящены, и ни с чем нельзя сравнивать то чувство, когда видишь, что люди мо-

лятся на них. Такое ощущение — это уже не творение твоих рук, а то, что выше тебя.

— Поздравляю, Маш. Я ждал от тебя подобного. Но ведь Кандинский тоже был глубоко верующим, духовным человеком. И твоя мама переписывалась с его вдовой Ниной...

— Да, до самой ее смерти. Это была изумительная женщина, но погибла ужасной, нелепой смертью.

— Ты правильно сказала, путь Кандинского был опасен. И может быть, это в конечном счете сказалось даже не на нем, а на его жене. Любой человек, и не обязательно художник, переступив человеческую черту, рискует. Переступивший черту может погибнуть странно и нелепо, в любой миг. Конечно, я говорю не только об искусстве и главным образом даже не о нем. Ведь сегодня кажется, например, традиционные мораль и нравственность разрушены полностью. Так ли это? Думаю, что нет. Безнаказанно переступить эту черту невозможно...

Вот так мы и философствовали с Машенькой и просто болтали о разном.

Когда спохватились — время вроде уже позднее. Так Машенька осталась ночевать у меня.

Странно это. Теперь она спит в соседней комнате, а я вспомнил, как вот за этим столом когда-то, почти четверть века назад, писал об ее матери, в которую был безнадежно влюблен. Я писал о ней новеллу, правда, тщательно изменяя и маскируя обстоятельства — чтобы никто не узнал. Она была

и осталась самой красивой женщиной, которую я когда-либо видел в своей жизни. Казалась недоступно загадочной в своей красоте, хотя я знал ее и добрым, и нежным другом. И об этом я писал в своей новелле.

Помнится, написал тогда безликую фразу «она была нежной». И вдруг, ощущив тоску по ней, подумал: «Нет, писать надо не так». Возникла другая фраза: «Ты — нежная...». И возникли другие слова. В них ожила моя мечта о женщине... «Ты нежная, ты бесконечно красивая, ты — родная. Тебя нельзя обидеть, нельзя обмануть. Тебя можно лишь обожать, тебе можно лишь поклоняться. Твои слезы — капли росы, твоя улыбка — солнечный свет...»

Так давно это было. Жизнь тому назад. И вот теперь ее дочь спит в соседней комнате. Очень похожа на мать, совсем немного уступая ей в красоте.

***

Утром 10 августа мы уехали с ней в город. И в тот день произошли странные события: ко мне приходил автор рукописи «Женщинам читать запрещено». Затем Наташа Тенигина видела своего мужа, идущего в гостиницу вместе с художницей — по всем описаниям, с Машенькой. А поздно вечером, по показаниям горничной, Глеб Тенигин приходил в номер к Машеньке. Он постучался в дверь, назвался — горничная это слышала — автором рукописи.

И Машенька открыла дверь... И он погиб.

ПЕРЕД ОРГИЕЙ

Братья Журбины идут по безлюдному скверу. И Леонид спрашивает:

— Ну, какова твоя версия?

— Нет у меня версии, Леша. Но сдается мне, что в этом деле ключевая фигура — приезжая художница. Как ее? Мария Струйская. К ней Тенигин заходил в номер перед смертью. И ушли они из гостиницы вместе. Не случайно это.

— Не случайно. И надо бы все узнать сегодня. Иначе будет поздно... Это я уже не о деле Тенигиных говорю. Готовься, браток, к такому, чего никому из нас не миновать.

— У тебя есть информация, что-ли?

— Есть такая информация. КПСС на днях — каюк.

— Опомнишь, что ты мелешь? У партии все силы

— и армия, и милиция, и главное — вы, КГБ.

— Это только видимость. Все нынче против коммунистов. Народ против.

— Что там народ, Леша. Кое-кого поарестуют, танки в Москву введете. И все, народ одобрит.

— Нет, не получится. А если Крючков на такое решится, все рухнет сразу. Это будет их конец.

— Ты уже вроде себя от ваших отделяешь?

— И я не один.

— Но вас же победители разгонят.

— Кое-кого разгонят. Но без госбезопасности ни одно государство жить не сможет. Новой власти

тоже потребуются профессионалы. А я профессионал.

— Ох, Леша, смотри, не ошибись.

— Ошибиться, конечно, можно.

Они прошли сквер, остановились напротив углового дома — типичной обшарпанной «хрущевки».

— Ну вот, Паша, этот домик. Строительный переулок, 3, квартира 16, второй подъезд, второй этаж. Действуй. А о политике больше ни слова. Тебе же такое светит...

— Как-то неловко, Леш. В том числе и перед женой.

— Да брось ты свои провинциальные предрассудки. Такого случая больше не представится.

— Понятно, что не представится. Только все равно... Ситуация какая-то не такая.

— Хотел бы я оказаться в такой ситуации. Возраст уже не тот. И засвечиваться нельзя. А так я тебе завидую. И Леночка поможет.

— Ты своей Леночке полностью доверяешь?

— Полностью, проверенный кадр. Правда, она авантюристка, рисковая девка, способна на неожиданности. Но иной раз это и нужно. А уж сексуальна — высший класс, сам проверишь.

— Ты говоришь, у нее подружка любовница Хасбулатова?

— Ну как сказать — любовница. Поимел он ее разок. А может, это она его поимела. Тоже девица — оторви да брось, некая Даша Асланова, студентка факультета журналистики МГУ. Коллекционирует

известных мужиков, охотится за ними. Такое у нее хобби. Вот и Хасбулатов ей попался. Явилась она к нему на квартиру, когда семья его была в отъезде — якобы брать интервью. Ну и дала ему такое интервью... По словам Леночки, явилась эта Да-шенька к Хасбулатову вместе с приятелем. Приятеля они крепко напоили — он был и рад на дармовщину. А сами ушли в кабинет Хасбулатова — смотреть библиотеку. И оказалось — сильный мужик этот спикер. Дашенька полный кайф получила, говорит, что орала от удовольствия, материлась, как таксист. Если тебе это интересно, поспрашивай саму Леночку. Вот она идет.

Действительно, по аллее к ним шло, покачивая бедрами, длинноногое, стройное, молодое существо и деланно улыбалось. С внутренней дрожью смотрел Павел на нее. Она, доверенное лицо Леонида, завербованное им уже давненько, должна была его ввести в общество «К Богу через секс».

ОРГИЯ

В комнате не было никакой мебели, лишь ковер на полу. Несколько голых особ, девушек и женщин приблизительно от восемнадцати до сорока лет и мужчин возрастом постарше стояли вокруг единственного одетого в белое, почти исподнее человека. Как выяснилось, проповедника.

— Вообще-то у нас был другой проповедник, — шепнула Леночка Павлу, — некто Кочетов. Это его квартира. Но он куда-то подевался.

Услышав фамилию Кочетов, Павел дернулся. Но сейчас было не до того.

— К Богу через секс! — провозгласил проповедник, подняв руки. — Сольемся через секс с самим Богом. Энергия Земли, войди в нас, переполни наши тела и слей нас с божественным Космосом. Любите друг друга и вы полюбите Бога, почувствуете Космос... Любовь не собственность, ее нельзя накопить. Чем больше вы делитесь, тем больше имеете. Чем сильнее любите, тем ближе к Космосу... Можно позволить себе все. Никаких извращений не бывает. Тело не просто физическое явление, оно несет в себе Космос. Тело — ваш личный храм. Пусть все желающие и жаждущие войдут в этот храм. Через секс — к Богу!

— Через секс к Богу! — хором повторили все присутствующие.

Начиналась оргия.

***

Часа через два одетые Павел и Леночка пришли на кухню. Она поставила чайник на плиту. У него в голове все крутилось... В соседней комнате на ковре еще ползали и копошились голые тела. Все это казалось уже уродливо...

Раздался звонок. Павел кивнул — мол, открой. Леночка открыла.

Вошла девушка с какой-то рукописью в руках. Павел сразу — по описанию узнал вошедшую. Это была художница, приезжавшая в Вологду.

— Простите, здесь живет Кочетов? — спросила девушка.

— Здесь, — подтвердила Леночка.

— Пожалуйста, передайте ему это, — она передала рукопись Павлу.

Павел открыл ее, увидел название — «Женщинам читать запрещено». Все совпадало. Не напрасно он подозревал ее. Девушка повернулась, чтобы уйти.

— Стойте! — выкрикнул Павел. — Вы арестованы!

— То есть как? — удивилась она. — Вы шутите?

— Какие это шутки! — он действовал как в бреду, еще не пришел в себя после оргии. — Вы арестованы, потому что подозреваетесь в убийстве.

ПРЕКРАСНЫЕ ЛЮДИ

Если честно признаться, положа руку на сердце, я не могу сказать, что люблю людей. Такое открытие в самом себе, которое поразило меня самого, я сделал много лет назад, будучи еще совсем молодым. И об этом я должен рассказать, даже отвлекаясь от основного повествования. В этом есть своя логика.

... Шел второй год моего студенчества. Что-то тяжелое, болезненное происходило со мной. Ведь приехав в Москву и поступив в институт, я сначала был преисполнен восторгом перед всем и любовью ко всему, что меня окружало. Гордость прямо-таки распирала меня. Еще бы, я — московский студент, мной завоевано право учиться в столице, хотя и временно, но жить здесь. Но от восторженных

ожиданий вскоре ничего не осталось. Мир оказался не таким...

Помнится, живший в соседней комнате первокурсник Леша Журбин чуть ли не единственный из всех как-то выделял меня, всегда радушно и приветливо заговаривал со мной, как бы предлагая дружбу. Но даже к нему я испытывал нечто вроде брезгливости.

Каждое утро мы встречались с ним около умывальника: сделав на улице зарядку, он, отличный спортсмен, бежал умываться. Полуголый, атлетически сложенный, он умывался всегда, занимая умывальник, долго, тщательно, хрипел, плевался, набрав воды в ладони, тер шею, грудь и живот (вода заливала пол, но это ничего — уборщица уберет). На него мне всегда было неприятно смотреть. Если бы мне сказали, что он назавтра исчезнет и никогда не появится, я бы не огорчился.

В нашей комнате жило пятеро — все второкурсники. Я не находил ничего общего с ребятами. Иногда, прислушиваясь к их разговорам и шуткам, я с тревогой думал: «Что со мной? Почему мне не смешны их шутки и не интересны разговоры? Может, я — печальное исключение из них? Что же мне делать?»

Я считал нашу жизнь убогой, не достойной называться жизнью. Ни у кого из нас не было девушки. Бывали только проститутки. Жили на мизерные деньги (стипендия была крохотной, а родители помогали не всем). Если учесть, что многие из ребят

выпивали, то можно сказать — это было полуголодное существование. Единственный досуг — карты по вечерам или кино в соседском заводском клубе. Впрочем, перед стипендией на кино уже не хватало...

Шел 1955 год, хрущевская оттепель пока не наступила. Сохранились еще сталинские порядки и нравы. Все думали и говорили одинаково, так же одинаково скверно питались и аляповато, нелепо одевались. И проповедовались всем нам бодрость духа и казарменные добродетели. Это называлось «великой эпохой», поскольку строился коммунизм, и мы жили в великой державе, владевшей почти полмиром. Я рано стал понимать, что ненавижу эту жизнь.

Иногда вечерами, не желая участвовать ни в выпивке, ни в картежной игре, я садился в автобус и ехал бесцельно от остановки к остановке. За окном рассыпались, сияли вечерние огни, кондуктор монотонно объявлял остановки, пассажиры в вагоне менялись... А автобус все шел и шел куда-то в темноту. Я сходил у метро, спускался вниз, смотрел на подземные залитые ярким светом залы, на людей, снующих, идущих, бегущих куда-то. Они спускаются сплошным потоком по эскалаторам, они заполняют поезда, они идут и идут мимо, их так много, но какая пустота вокруг. Все чужие. Как-то раз — отчетливо запомнилось — миловидная девушка с лучистыми глазами бросилась мне навстречу, протянула порывисто руки, но сразу

одернула их. И приветливое миловидное лицо скривилось в досадной гримасе: «Извините». Она обозналась...

... Когда я вышел из метро, было пасмурно, брызгал небольшой дождик. На площади мутными пятнами горели фонари. Вокруг толпились молчаливые высокие здания с резко выхваченными в темноте знаками реклам. Впереди, опершись на колонны, дремал Большой Театр.

Я двинулся налево, и впереди открылся гладкий, ровный, в синей мглистой дымке простор Манежной площади. Направо уступами вверх поднималась улица Горького, и сверкающий, льющийся, гремящий двухсторонний автомобильный поток на ней. Тротуары полны толпой. Обрывки разговоров, смех. Равнодушные, колючие, странные, пустые, кокетливые, насмешливые, удивительно красивые и далекие взгляды женщин. И в тот вечер в центре Москвы, в этом гигантском муравейнике я впервые встретил эту пару — мужчину и женщину, столь не похожих друг на друга. Мужчина странного вида с некрасивым задумчивым лицом, с отсутствующим, направленным поверх людей взглядом. И девушка — иссиня-черные волосы, тоненькая, с дикими страстными глазами, прекрасная и таинственная, как икона. Движимый почти инстинктом, я пошел вслед за ними. И вроде бы само собой получилось — заговорил с ними.

Они, Альбина и Саша, стали моими друзьями. Мы сошлись легко, будто знали друг друга всегда. Они спасли меня. Ввели в круг своих друзей и знакомых — диссидентский круг. И я вроде бы перелетел в другое измерение. Моя омертвевшая душа ожидала, моя судьба определялась...

В их доме, куда я попал, случайных посетителей не было и не могло быть. Этот дом мне казался каким-то островом среди серого страшного для меня советско-житейского моря. Здесь на стенах висели иконы и старинные гравюры. Здесь было все иное. На полках стояли иные книги — Владимир Соловьев, Бердяев, Флоренский, Леонтьев, Розанов, Мережковский, Гумилев, Ходасевич... Я тогда даже не слышал этих имен.

В этом доме собирались другие люди. Они говорили о Боге, бессмертии, вечной справедливости так естественно, как другие говорят о покупках и погоде. Глава дома, Сашин отец, дружил с Борисом Пастернаком. Их соседями по подъезду были когда-то Андрей Белый и Михаил Булгаков.

Я менялся, менялось и мое отношение к людям, уходила враждебность и отчужденность. И вот однажды под влиянием минуты я рассказал хорошему парню Леше Журбину об этом доме, о своих новых друзьях. Я не мог знать, что Леша уже с первого курса был осведомителем КГБ. Он имел какой-то особый нюх на людей, и его интерес ко мне не был случаен. Впрочем, я не пострадал, а вот Саша,

имевший в своей библиотеке запрещенную литературу и дававший ее для прочтения близким знакомым, был арестован. Он получил пять лет лагерей. Удивляюсь, как он выжил, просидев срок с уголовниками.

К счастью — выжил. Он был освобожден накануне горбачевской перестройки.

***

Трудно рассказывать о том, что было пережито. Увы! Я невольно принес несчастье в этот дом, так много давший мне. И никогда — хотя меня никто не обвиняет — себе этого не прощу. Я сам сужу себя. И моя любовь к Альбине, жене друга, тоже была греховна. Хотя я скрыл ее и ничего предосудительного внешне не совершил. А того дома и той среды, которая так повлияла на меня, давно уже не существует. Кого-то уже нет в живых. Кто-то прошел тюрьмы и лагеря. Кто-то уехал на Запад.

У Альбины и Саши выросла, как уже говорилось, дочь. Незаурядное и прекрасное существо — Машенька. И надо же такому случиться — она, побывав в Вологде, нежданно-негаданно попала в дело Тенигиних и стала подозреваемой. Кажется, полный абсурд, но совпадали так называемые улики. Странен мир...

«СЕКСУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ВОЛОГДЫ»

Как-то меня на улице встретил Федя Клюквин — в своем обычном состоянии, то есть подвыпивший,

и пытал меня — правда ли, что я знаком с московской художницей, подозреваемой в сексуальном убийстве. Мол, этот материал ему нужен для книги, которую он пишет — «Сексуальная история Вологды». Я с ним на подобную тему разговаривать отказался. Но он тем не менее вручил мне отрывок — «протолкнуть» все это в газету. Отрывок я тогда взял, но напечатать его в газете было невозможно. Все же теперь решил вставить его в свое повествование, ведь рукопись погибла. В отрывке несколько самостоятельных эпизодов. Привожу их дословно, следуя оригиналу.

Председатель-порнограф

В семидесятые годы председатель одного из отдаленных колхозов Никольского района создал тайную фотолабораторию с порнографической целью. Используя свое служебное положение, он завлекал по одиночке местных молодых колхозниц, подсывал им западные порножурналы и делал нескромные предложения. В конечном итоге, используя неопытность доярок, свинарок, телятниц и их естественное женское любопытство, он добивался своих целей, а затем фотографировал жертвы в голом виде в различных пикантных позах. Так у него образовалась целая порнографическая коллекция тружениц.

Вологодское КГБ выследило председателя и обнаружило эту аморальную коллекцию. Полностью

разоблаченный, он был исключен из партии и осужден к семи годам тюремного заключения.

Все это привело к нескольким семейным скандалам, потому что мужья обольщенных тружениц, узнав о суде, били их смертным боем. Однако некоторое время спустя после длительных запоев и побоев все ж простили своих совращенных жен, по широте русской души простили. Семейная и производственная жизнь в колхозе нормализовалась.

Голубой секретарь

В те же семидесятые годы в Череповце было выявлено несколько молодых женщин, в большинстве работниц культуры, с высшим образованием, которые, не будучи проститутками, тем не менее «обслуживали» иностранцев. Денег они не брали, но охотно ходили в рестораны, принимали дорогие подарки. Всех их вызвали в Вологду, в обком ВЛКСМ, исключили из комсомола, а потом поснимали с работы. Все они каялись, плакали, просили о снисхождении, обещали исправиться.

Но разбиравший их дела секретарь обкома, об исключительной нравственности которого ходили легенды, был непреклонен:

— Высокое ленинское звание комсомолки с аморальным поведением несовместно. В нравственных вопросах никаких компромиссов быть не может.

Но через некоторое время участь провинившихся женщин разделил и сам секретарь. Выяснилось, что он, умница и красавец, является гомосексуалистом. С ним поступили так же: исключили из партии и сняли с работы.

Портрет в голом виде

В начале восьмидесятых годов красивая журналистка, работавшая в газете «Вологодский комсомолец», подала заявление в парторганизацию газеты «Красный Север» о вступлении в партию. Но выяснилось, что на выставке местного художника-любителя, известного эротомана, выставлена работа, на которой изображена эта журналистка в натуральной естественной позе, с голой, извините, попой. Так возникло персональное дело о «портрете в голом виде».

Цитирую партийный документ дословно, ибо он открывает ранее неизвестный жанр — «голый портрет». И тщетно журналистка доказывала, что на полотне изображена только ее голова, остальное — не ее, а плод сексуального воображения художника. Тем не менее в партию ее не приняли, что было совершенно несправедливо.

Запрещение ЧПД

Как пишет Варлам Шаламов в своей документальной повести «Четвертая Вологда», в дореволюционное время в нашем городе был пуб-

личный дом с традиционным красным фонарем. Большевики, прийдя к власти, конечно, его закрыли.

Во время перестройки была предпринята попытка возродить традицию. Под Вологдой открылась гостиница «Уют» — правда, без красного фонаря.

Но по каким-то причинам дело не пошло, и «Уют» просуществовал недолго.

А вот в Череповце возникло более масштабное дело. Здесь в октябре 1992 года должен был открыться первый публичный дом в России. Все уже было готово. Прошел тщательный конкурс по отбору девушек для этого учреждения. Говорят, он вызвал ажиотаж в городе, особенно среди девственниц, на каждую вакансию пришлось более ста претенденток.

Была установлена плата, весьма скромная, доступная многим трудящимся — тысяча рублей за вход. Можно было прийти сюда со своей дамой — за две тысячи рублей в час предоставлялось бы уютное спальное помещение.

Директор учреждения в интервью газете «Речь» с гордостью сказал:

— Мы стремимся к максимальному удовлетворению запросов клиентов. Если, положим, клиент затребовал негритянку, мы считаем своим обязательным долгом предоставить ему и негритянку.

Но увы, не сбылось. В последний миг — уже накануне торжественного открытия — власти первый в России ЧПД (Череповецкий публичный

дом) запретили. Так что негритянку в Череповце теперь, видимо, не получить.

Американка и старлей

Две молодые американские туристки в девяностые годы гуляли поздно вечером около Спасо-Прилуцкого монастыря, любуясь древнерусской архитектурой. Одна из них была негритянка, вторая белая. Внезапно им преградил дорогу молодой человек с пистолетом в руках. Впоследствии выяснилось, что это был старший лейтенант вологодского гарнизона, кстати, по отзывам, хороший семьянин. Пистолет оказался игрушечным. Но перепуганные американки в сумерках приняли его за настоящее оружие. Старлей жестами приказал американкам лечь на землю. Те были подготовлены американской прессой к тому, чтобы во избежание худшего не оказывать сопротивление насильнику. Что же было дальше? По показаниям старлея, арестованного вскоре после преступления, он, абсолютно не тронув негритянку, устроил с белой американкой «маленький стриптиз». Но, как установило следствие, дело стриптизом не ограничилось. Старлей не только изнасиловал американку, но попробовал на ней кое-что извращенное. А негритянка рядом лежала тихо и покорно.

За полученное удовольствие насильник получил пять лет.

Таков отрывок из погибшей рукописи, случайно у меня сохранившийся. Таковы лишь некоторые эпизоды из нашей трагикомической сексуальной жизни.

ЭРОС МАТЕРИ И ДОЧЕРИ

Впрочем, если говорить серьезно, наше время, пожалуй, самое не сексуальное из всех обозримых времен. Да, разумеется, оно самое порнографическое — никогда в России не было до этого и быть не могло такого разгула и открытой порнографии и близкой ей так называемой эротики. Запреты отменены, табу сняты. Но это по моему мнению, как раз доказывает, что наши современники и современницы во многом утратили способность любить так страстно и сильно, в том числе и плотски, как было прежде, и нуждаются в искусственном возбуждении — с экрана, в книге, журнале и т.д. И примерно так же рассуждает об этом мертвый автор в своей рукописи «Женщинам читать запрещено».

Должен сознаться, что при всей противоположности наших взглядов, в чем-то я вынужден согласиться с ним, словно он выразил мои некоторые тайные мысли. Он рассуждает примерно так, спрашивая самого себя: что в жизни есть ценного, высшего, ради чего стоит жить. И выделяет следующее: религия и вера в Бога, творчество, природа и секс. Но по-настоящему верить в Бога, любить природу, заниматься подлинным творчеством могут далеко не все. Настоящая

любовь тоже дается немногим. А сексуальное чувство, начиная с детских лет, свойственно большинству. И прав, конечно, Бердяев, который, оценивая Розанова, сказал, что половой вопрос — самый важный в жизни, основной жизненный вопрос... что вопрос этот лежит гораздо глубже форм семьи и в корне своем связан с религией, что все религии вокруг пола образовывались..." Автор рукописи ставит эти бердяевские слова в качестве эпиграфа к одному из разделов рукописи. Правда, будучи сексуально озабоченным типом он не включает в высшие ценности такие понятия, как любовь к детям и мир семьи. Понятно, что это ему чуждо и незнакомо, но я согласен с ним: в ряду высших ценностей жизни для большинства любовь и секс занимают чуть ли не главное место. И его ссылка на Бердяева, как и на Розанова, тоже вполне уместна: любовь и секс по существу религиозны и космичны.

Каждая женщина, даже самая простенькая, в своей интимной жизни, сама того не сознавая, несет космос. Женщина менее человек, чем мужчина, она — как бы часть природы и космоса; мужчина отошел от природы и космоса дальше женщины, более индивидуализировался, то есть очеловечился. Но в женщине заключена огромная сила надчеловеческих сил. Через женщину мужчина соединяется с космосом. В этом — не только в наслаждении и продолжении рода — тайная сущность секса. И секс еще предстоит открывать

заново. Во всяком случае, ни прежние моральные запреты, ни нынешняя вседозволенность уже не годятся. Нужен новый, как бы «срединный» взгляд — истина посередине. И автор рукописи пытается выразить этот взгляд, хотя нередко противоречит сам себе, считая секс чем-то иррациональным, а мораль искусственной. В отличие от него я верю в вечность моральных истин и никогда не перестану удивляться двум истинам, о которых так образно сказал Кант: «Это — звездное небо надо мною и нравственный закон во мне». Но тем не менее мне понятны некоторые мысли и поиски автора рукописи, этого совершенно развращенного и все же глубоко человека. Но, разумеется, многое в его рукописи не только неприемлемо для меня, но и непонятно. Например, одна глава в его рукописи названа так — «Родственность в сексе».

Он начинает ее с описания, как ему однажды удалось провести ночь с двумя сестрами, отнюдь не проститутками и, видимо, по-своему интересными девицами. Он пишет, что склонить их к этому было очень непросто, но он добился своего, как бы следя опыту Казановы. И, действительно, у Казановы в его «Мемуарах» описана одна из блестательных и самых важных амурных побед этого великого соблазнителя женщин: он, действуя невероятно искусно, забирается в постель к двум сестрам, слившим недотрогами, и лишает девственности сначала одну, а затем другую.

Подобное пережил и автор рукописи, и он уверяет, что испытал с двумя сестрами нечто новое, еще не испытанное им. Всем этим можно возмутиться, выбросить рукопись и вымыть руки. Но далее автор переходит к теме эроса матери и дочери, и я поймал себя на мысли, что это внутренне интересует меня.

***

Начинает он опять же с классических примеров. Высказывает мнение, что великий Томас Манн все же погрешил против психологической истины: он своего героя, авантюриста Феликса Круля (а думается, что это одна из ипостасей самого автора), которому нравились по воле сюжета две прекрасные португалки — мать и дочь, заставил довольствоваться сексом матери, отказавшись от уже почти соблазненной им дочери.

Далее автор в качестве примера ссылался на любовные похождения Гете с матерью и дочерью Левенцов. На восемнадцатилетней Ульрике фон Левенцов восьмидесятилетний Гете даже собирался жениться, испытывая к ней подлинную страсть. Приводил автор рукописи и другие примеры и имена, в частности Пушкина (о чем речь еще впереди). И читая рукопись, я со страхом подумал: а что, если он хоть в чем-то прав? Может, и у меня были подобные же порочные чувства — и к матери, и к дочери...

Мать, то есть Альбина, была в молодости подобно гончаровской Вере — как ночь с ее таинственной темнотой, черной глубиною, она любила сидеть в темной комнате, и из мрака светились ее нездешние, бездонные, огромные очи — глаза. Она могла подолгу молчать, и ей не нужно было моих слов. В словах нередко не было надобности. Мы просто чувствовали друг с другом нечто более глубокое, невыразимое.

Машенька, ее дочь, напоминала мне раннее утро, в котором где-то в укромных уголках еще таится темнота и стелятся странные туманы, но уже царит яркий свет и весело поют птицы, и чувствуется аромат цветов и упругость молодых плодов.

В Альбину были влюблены все мужчины, которые хоть раз виделись с ней. Но они для нее как мужчины не существовали, у нее был муж, единственный мужчина в ее жизни. Правда, у нее всегда водились друзья, и я, вероятно, являлся тогда одним из самых близких ее друзей. Догадывалась ли она о моей тайной любви к ней? Конечно. Ведь в нее были влюблены все, но вели себя по-разному. И я ни разу не переступил запретную черту...

Машенька, разумеется, не пользовалась таким успехом, как мать. Но было в ней что-то здоровое, естественное, плотское. Она унаследовала от матери напряженную духовность, но вместе с тем была земной, живой, женственной плотью.

В моем деревенском доме она, переодевшись, предстала передо мной в маечке, под которой катались высокие груди, и легкомысленных цветастых шортиках; я ее видом сначала смутился, она — нисколько. И потом, когда она спала в соседней комнате, я все время будто чувствовал — рядом, за стенкой — горячая девичья плоть.

А в Альбине не было плоти. Мне удивительно это теперь самому, но будучи безумно влюбленным в нее, я никогда не смотрел на ее ноги, не представляя, какая у нее фигура. Я знал только ее прекрасное лицо и ее огромные, черные, страстные глаза. Моя любовь полностью истребила все плотское по отношению к ней.

Когда у Альбины появилась и подросла Машенька, мать и дочь женственно дополнили друг друга, явив совместно как бы идеальный в моем понимании женский эрос. Но трагично то, что дочь всегда вытесняет мать, сменяя ее.

Разумеется, Альбина безумно любила дочь, придавая огромное значение всему женственному в ее воспитании. Помнится, как-то прочитала «Лолиту» в рукописи, ходившей по рукам. Как раз тогда Маша была подростком. И Альбина с гневом сказала мне: «Я бы за эту книгу Набокова убила». С удивлением взглянул я на нее. Неужели она, гуманнейшее существо, могла убить?

И вот, спустя много лет, когда мы ехали в Вологду с Машенькой, переночевав в моем деревенском доме, я в шутку спросил ее, как бы она поступила,

если б я ночью вошел к ней. Подобных шуток с матерью я никогда не позволял, а с Машенькой это было возможно.

И Машенька ответила мне: «Я вас люблю, но я вас бы убила».

ОТПУСТИТЬ УБИЙЦУ?

— Заходи, заходи, — призывающе замахал рукой Леонид Журбин, увидев, как в дверь просунулась голова брата.

Павел вошел в кабинет. Здесь сидела перед братом арестованная — Маша Струйская. Павел посмотрел на нее с любопытством: мол, как идет допрос, не созналась ли уже? Но вид у арестованной был довольно бодрый и спокойный.

— Ты нам с Марией Александровной нужен, — сказал Леонид — потому что тебе следует извиниться перед ней. Она ни в чем не виновата.

— Как так? — неприятно удивился Павел.

— А вот так, извинись, пожалуйста...

— Ну, извините, если что...

— Извиняю, — ответила очень спокойно Маша.

— До свидания, Мария Александровна. — Леонид подал ей руку. — Вот вам пропуск. И передайте привет вашему папе. Ведь я хорошо его знаю.

Он вежливо проводил ее до двери, расшаркался на прощание. Маша ушла.

— Отпустил? — ужаснулся Павел.

— И правильно сделал, — ухмыльнулся Леонид.

— Она же наверняка убийца. Все улики совпадают.

— Пошли на свежий воздух, прогуляемся. Ты поостынеешь малость...

Когда они спускались в лифте, Леонид сказал:

— И пусть улики совпадают. Для меня это уже неважно. Все равно бы отпустил.

— Она к тому же — диссидентка!

— Вот-вот. Запомни эти дни, Паша. Сегодня 17 августа 1991 года. И скоро все начнется. Они победят, настанет их, диссидентская власть. А нам с тобой с ними жить надо... Пойдем-ка, пошляемся по скверу...

РАЗВЯЗКА

И снова братья шли по тому же скверу. Здесь подслушивающих устройств, разумеется, не было и можно говорить с полной откровенностью.

— Признавайся, не стесняясь, что тебе ясно и неясно в этом деле, — спросил старший брат у младшего, — это я про дело Тенигиных.

— Да ведь Леш, — развел руками младший брат, — по совести говоря, ничего не ясно.

— В таком разе рассказываю тебе все по порядку. Итак, Паша, вникай. И тут, видно, надо начать с личности убитого, оказавшегося в постели рядом с Наташей Тенигиной. Не завидую я ей — незнакомый покойничек под боком. Он — личность мне известная, в прошлом диссидент, некто Кочетов.

А диссиденты, должен тебе пояснить, делятся как бы на два вида. Первый — это люди, так сказать, фанатично нравственные, отвергающие разврат, супружескую неверность, откровенную эротику.

Они как бы противопоставляют свою нравственность нашей официальной морали, которую считают примитивной и лицемерной. Оно и понятно: партийность требует, чтоб ты жени не изменял, а на самом деле...

Сам знаешь, как на самом деле.

Ну а второй диссидентский вид прямо-таки противоречит первому. Эти, напротив, считают, что наша коммунистическая мораль чересчур несвободна и зашорена, потому они — за полную свободу — делай, что хочешь. У них и секс, и мат, и водка... Все можно. И более того — даже нужно, чтоб человек, по их понятиям, стал свободным, избавился от советских комплексов. Так этот Кочетов как раз относился ко второму виду. Начинал как диссидент, но до того раскрепостился, что превратился в сексуального маньяка. Секс для него все поглотил, стал в жизни самым главным. Тут, надо признаться, имелся и свой плюс. В результате Кочетов постепенно отошел от всякой политики и по существу-то диссидентом быть перестал. Все силы у него уходили на секс. Но надо сказать, что человек-то он был не бесталанный, выпускник Литературного института, писал всякие эротические сочинения. А рыбак рыбака видит издалека. Познакомился он как-то и сошелся на почве эротики с другим эротоманом — Глебом Тенигиным.

— Так они что, голубые были? — спросил Павел.

— Нет, Паша, совсем не голубые. Их интересовали только женщины. Хотя, конечно, люди

они были разные. Кочетов образованней, умней, у него своя философия была, а Тенигин — просто бабник. Но зато Тенигин — преуспевающий коммерсант, создал свое дело, стал миллионером, а Кочетов — ни рыба, ни мясо, неудачник, почти нищий. Жил он только на то, что после смерти матери превратил свою квартиру в сексуальный притон, ну то есть общество «К Богу через секс», где ты и побывал и к Богу через групповой секс приобщался. Но боюсь, что не приобщился, а?

— Не приобщился, Леша. Хотя приятно вспомнить.

— Так я и думал. Но слушай дальше. У Тенигина и Кочетова были отношения дружбы-вражды, в которых вражда и ненависть все более преобладали. Но внешне они казались друзьями. Надо еще добавить, что Тенигин являлся человеком очень тщеславным, ему было мало в жизни коммерческого успеха, он тянулся всегда к художественному миру, пытался что-то писать, но неудачно. И вот, пользуясь безденежным положением Кочетова, он заказал ему за крупную сумму книгу под своим именем — притом на сексуальную тему. Кочетов такую книгу — вернее рукопись, написал, догадываешься — ну эту самую «Женщинам читать запрещено». Но написав ее, посчитал свое сочинение крупной литературной удачей и заколебался — стоит ли даже за приличные деньги отдавать свой труд другому. И между ними состоялся примерно такой разговор... Я

тебе в лицах изображу, в диалоге, ведь не зря я раньше в самодеятельности играл. Итак, диалог.

— Я тебе гонорар добавлю, — предложил Тенигин.

— Разве дело только в деньгах, — колебался Кочетов, — но вот если ты добавишь не деньгами, а еще кое-чем...

— Чем? — удивился Тенигин.

— Видел я тебя на улице со стильной красоткой. Говорят, жениться собираешься? Так вот, ты мне ее уступи на одну ночь. Конечно, после женитьбы — зачем же невесту смущать.

— Ты чего, спятил?

— Совсем не спятил. Ты ведь считаешь, что полностью от всяких предрассудков освободился. Вот и докажи. Тогда ты психологически по крайней мере достоин быть автором такой книги.

Настал черед колебаться Тенигину. Но ему, вероятно, не хотелось выглядеть в глазах Кочетова человеком, сохраняющим в себе какие-то предрассудки. И соблазн стать автором книги тоже был велик. И по всей видимости, он сказал примерно так:

— Согласен. Но я в качестве твоей рукописи еще не вполне уверен. Конечно, за деньги ее можно издать, но сейчас за деньги что угодно издадут. А ты вот напечатай сперва из нее хоть небольшой отрывок без денег — в любой газете или журнале, докажи. Вот тогда ты и получишь Наташу на любую ночь.

Такова была их сделка.

— А ты откуда все это знаешь? — спросил Павел.

— Леночка, с которой ты так славно разрядился, ведь она обслуживала и Кочетова и Тенигина.

— Ну, ладно, без подробностей. Не порть мои впечатления от нее.

— Не буду, не буду. Ведь речь-то о другом. И вся эта история развивалась дальше так. Кочетов один экземпляр рукописи передал Тенигину, второй — оставил себе. И дело началось. Но все же Тенигин нарушил условия сделки. Женившись, он ничего не сказал о том Кочетову и уехал с молодой женой в северное путешествие. Кочетов откуда-то это узнал, возмутился, бросился вдогонку и нагнал молодоженов в Вологде. Сходил в Вологде в редакцию «Русского Севера», договорился о публикации, а потом по телефону разыскал Тенигина и потребовал выполнения их сделки. Тенигин жене ни о чем не сказал, но с Кочетовым они на Соборной горке встретились. Крупно поговорили. И было решено — этой ночью Кочетов придет в номер к Тенигиным и супруг оставит его на два-три часа с молодой женой. Тенигин, видно, на самом деле решил доказать себе, что он полностью освободился от предрассудков.

Тут же на Соборной горке он увидел Машу Струйскую, писавшую с натуры какой-то этюд. Девушка ему понравилась. И, еще не остыв от разговора с Кочетовым, он решил приударить за ней — натура его была такова, он в любой миг к любой юбке мог

прицепиться. Узнал, что она — приезжая, остановилась в той же гостинице, и стал набиваться, чтобы зайти к ней. А повод? Мол, мне очень нравится ваша работа, не могли бы вы проиллюстрировать мою книгу, которую я только что закончил. Маша сказала, что можно принести рукопись к ней в номер. И тогда она решит — будет ли оформлять книгу. Тенигин сказал, что рукопись она может взять с собой в Москву. А потом они созвонятся. Затем Тенигин проводил Машу до гостиницы, тут их вместе видела в окно Наташа.

Вечером Наташа и ее муж были в гостях у художника Василия Ключника, а когда вернулись в гостиницу, то Тенигину надо было уже осуществлять свой сговор — то есть уступить жену Кочетову. Видимо, Тенигин сомневался, что уломает жену пойти на такое. Потому всыпал в вино Наташе какое-то сильнейшее снотворное. Наташа крепко заснула. Затем, как было условлено, Кочетов явился в номер. Но когда он лег в постель к спящей Наташе, нервы Тенигина не выдержали. Сразу хочу пояснить — Тенигин был шизофреник, правда, болезнь у него носила скрытый характер и проявлялась в сильной форме все же редко. И вот тут, вероятно, сказалось нервное напряжение, и шизофренический приступ внезапно начался. Тенигин застрелил Кочетова и оставил тело убитого в постели жены. Видимо, был почти невменяем, утратил чувство реального. Взяв с собой лишь пистолет и рукопись, захлопнул дверь в номере и

спустился этажом ниже в номер Маши. Наверняка это были уже действия человека, находившегося в ненормальном состоянии. Маша Струйская могла это не понять, она лишь взяла у него рукопись для ознакомления, а в номере у нее он пробыл считанные минуты.

— Но погоди, Леш... А почему же никто не слышал выстрела?

— Видимо, он имел пистолет какой-то иномарки с глушителем. Тенигин был связан с торговой мафией, бывал за границей и где-то раздобыл такое редкое оружие...

— Верно. Марку мы по пуле установить до сих пор не можем, придется в Москву посыпать. А пистолет до сих пор не нашли.

— Понятно. И вот находясь под влиянием всего случившегося в состоянии аффекта, Тенигин прямо из гостиницы ушел к реке, взошел на мост и покончил с собой. И его тело, и пистолет упали в воду. Тело вы нашли, а вот пистолет — давайте ищите.

— Будем искать, Леша... Так... Теперь мне все вроде понятно... Стоп... Одно не пойму. Почему Маша с рукописью появилась в этом самом вертепе в Строительном переулке?

— Видишь ли... Так как за рукописью никто не явился, она обнаружила на последней странице адрес. Это был адрес настоящего автора — Кочетова. Но Маша считала автором рукописи Тенигина. И вот потому, приехав в Москву, завезла

рукопись по адресу. Говорит, что была в ужасе от прочитанного и затем от всего, что произошло.

— Ну ты и молоток, Леш... Такое распутал. Значит, закончено.

— С делом Тенигиных закончено. Но самое главное еще только начинается... Как раз через «дело Тенигиных» я вышел на такое дело, которое станет, по-моему мнению, настоящей сенсацией. Чую нюхом — небывалая сенсация.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

И с этой сенсацией мне, грешному, тоже пришлось столкнуться. А ведь только ныне, спустя два года после «дела Тенигиных», стали понятны все его детали и подробности. Понятно теперь, что горничная в гостинице ошибочно посчитала, будто Маша ушла из гостиницы вместе с Тенигиным, не рассмотрела меня в темноте. Это был я, провожавший Машу на поезд. Понятно, что ко мне в «Русский Север» приходил не Наташин муж, а другой персонаж этой драмы — Кочетов.

Что стало с Наташой, я не знаю. Но видел в одном из журналов ее статью о картине Кандинского «Посвящение незнакомому голосу». Эта картина — памятник необыкновенной любви художника и Нины Андреевской.

Второй экземпляр рукописи «Женщинам читать запрещено» до сих пор хранится у меня. И признаться, я не знаю, что мне с ним делать. Иногда мне кажется, что с соответствующим предисловием рукопись все же следует напечатать. Так что про-

должение следует. Хотя заранее предупреждаю: женщинам в случае ее публикации читать, по моему мнению, это сочинение не следует.

Что касается фрагментов из рукописи Федора Клюквина «Сексуальная история Вологды», я опубликовал их, потому что автор ее, будучи как обычно «выпимши», отправился в начале октября 1993 года на защиту Белого дома и увы! — куда-то пропал. Вместе с ним пропала и его рукопись. Есть основание полагать, что они погибли. Потому я и решился на публикацию, отдавая дань этому достойному труду.

***

Должен добавить, осенью прошлого девяносто третьего года в мой кабинет номер 409 в редакцию «Русского Севера» пришла некая особа, довольно миловидная, сильно накрашенная, представилась как журналистка из Москвы.

— Очень приятно, — я почувствовал, что пришла она неспроста, — чем могу служить?

— Видите ли, — стрельнув глазками, призналась она, — я узнала окольными путями, не спрашивайте какими, что у вас хранится рукопись Кочетова «Женщинам читать запрещено». Правда ли это?

— Правда, — ответил я. — А в чем дело?

— Не могли бы вы эту рукопись уступить мне?

— Но кто вы? Какое отношение имеете к покойному Кочетову?

— Он один из моих духовных учителей. Это была интереснейшая личность. Увы, непонятая и неоцененная. Он к тому же был моим любовником.

— Смелое заявление, — усмехнулся я.

Она пожала плечами:

— Ничего смелого, самое обычное.

— Так вы хотите, чтобы я эту рукопись отдал вам?

Зачем?

— Я боюсь, что вы, как и большинство, можете недооценить это произведение, — она чуть откинулась на стуле, демонстрируя свои великолепные ноги в узорных колготках. — Между тем по своему уровню оно может стать рядом с сочинениями Казановы, де Сада или Захер-Мазоха. Такие книги производили сексуальные потрясения в обществе. Вы не согласны?

— Разумеется, не согласен. Но дело не в этом. Вы просите у меня рукопись. Но имею ли я моральное право отдать ее вам? Извините, кто вы?

— Я — Даша Асланова. Вам мое имя известно?

— Ах, вот оно что. Кто же не знает Дашу Асланову и ваши «Записки дрянной девчонки»? Вы ныне знаменитость.

— Чувствую иронию в вашем голосе, — скривив пунцовый ротик, усмехнулась она. — «Записки дрянной девчонки» сделали свое дело. Всех, конечно, шокировала моя откровенность. Всех, конечно, взволновало, как я занималась любовью с Хасбулатовым в его библиотеке. Хасбулатов как любовник затмил других моих знаменитых любовников —

Травкина и Абдулова. И это я Хасбулатову создала имидж настоящего мужика. Что в том дурного? Во всяком случае, тысячи, сотни тысяч, миллионы мужиков отряхнулись от бытовой импотенции и захотели меня. Мой телефон раскалялся от вожделенных мужских звонков. Я вынуждена переменить квартиру. И корреспонденты всех известнейших западных изданий в Москве ринулись ко мне. Конечно, сначала все это радовало. Потом я устала. Помню, когда французское телевидение снимало меня до трех или четырех утра, я бродила голая среди всех этих мужиков совершенно безучастно. И лишь мой жених вдохновлял меня, придумывал все новые и новые сексуальные позы.

— Но позвольте, зачем вы мне все это рассказываете? Ведь вы говорили о рукописи Кочетова.

— Кочетов — русский маркиз де Сад. А я — его ученица. Я — русская Мэрилин Монро. Я растворила тягучее мрачное течение российской кризисной жизни. Множество мужчин, вожделея меня, направили свою энергию не на автоматы, а на секс. Без меня Россия — пусть в этом есть доля преувеличения, но еще больше в этом правды — выжить бы не смогла. Своя Монро нужна была России. Вот я и появилась.

— В вашей коллекции, — заметил я, — не хватает Владимира Жириновского.

— Жириновский у меня тоже был, — как-то радостно подхватила она. — Хотя и не до конца.

Помните, он пишет в своей книге о том, как болезненно переживал в молодости любовные неудачи, как не смог снять трусики с молоденькой девушки? Этой девушкой была я. Он просил меня снять трусики самой, но я тогда была неопытна и не решилась на такое. Но все равно я сыграла в его жизни большую роль. Любовная неудача потребовала от него внутренней компенсации, это был — как толчок, произошла сублимация. Может, именно с этого Жириновский начался как крупный политик, ни на кого не похожий.

«С Жириновским у нее что-то не сходится по времени, — подумал я. — Не сумасшедшая ли передо мной? Не пересказывает ли она мне публикации Аслановой?»

А вслух, стараясь уже отвлечь ее от потока слов и мыслей, спросил:

— Так вы приехали в Вологду ради рукописи Кочетова?

— Конечно. И надеюсь, теперь вы понимаете, что я имею моральное право получить ее?

— Даша, рукопись у меня дома, — я схитрил, чтобы выиграть время и решить, что же мне делать в такой ситуации. — Вы не могли бы зайти ко мне завтра?

Она сказала, что сможет зайти. Попрощалась и ушла. Не успел я перевести дух, как раздался телефонный звонок.

— Владимир Иванович, простите. Но вас беспокоит Павел Журбин из уголовного розыска.

Фамилия Журбин заставила меня вздрогнуть. Хотя чего бояться в наше демократическое время?

— Слушаю вас.

— Еще раз извините. Но мне известно, что у вас сейчас была посетительница. И видимо, называлась Дашей Аслановой. Хочу вас предупредить — это самозванка, авантюристка. Ее имя Лена, она входит в московское общество «К Богу через секс». Будьте осторожнее.

Я пообещал быть осторожным. Так началось для меня это новое, странное, сенсационное дело, о котором речь еще впереди.

P.S.

Я иду по песчаному берегу огромного пустынного озера. Противоположный берег, закутанный дымкой, едва различим. Ветерок, волны набегают, водная гладь напоминает мне море... Вот солнце пробилось из-за туч, осветило стройные бронзовые тела сосен на берегу. Вокруг в молчащих лесах еще много зеленого цвета, но осенне-желтое, оранжевое, серое начинает преобладать. Стоит октябрь. Позднее бабье лето. Вокруг безлюдье и тишина. Стоит октябрь трагического 1993 года.

Я живу на базе отдыха, у меня неделя отпуска. Невероятно, но я здесь — единственный отдыхающий. Конечно, не сезон. Но дело не только в этом. База умирает, разваливается, как и многое вокруг. Работает столовая, служба живет в ведомственном доме где-то в полкилометре. Но на

днях база будет закрыта. Я — ее последний от-
дыхающий.

Вечерами, когда все погружается во мрак и ти-
шину, в обширном безлюдном корпусе, где раньше
отдыхали сотни людей, мне кажется, что я — один
на целом белом свете. Выхожу на балкон, вгляды-
ваюсь во мрак, прислушиваюсь к шуму леса и
становится как-то не по себе.

Ухожу в номер, включаю телевизор. Опять
передача — о штурме Белого дома, о нашей
трагедии. И вертятся в голове слышанные перед
отъездом строки:

Я убит в Белом доме,
Помяните меня...

На сердце тяжело. Не этого мы хотели. Мои
друзья — диссиденты, жертвуя собой ради свободы
и демократии в России, не этого хотели. И я молюсь
сегодня за всех, как сказал Волошин — «молюсь за
тех и за других». И хочется верить словам
Солженицына, великого нашего писателя, что в
августе 1991 года была великая освободительная
революция. И мрак за окном еще рассеется.

А сейчас утро. И солнце, и сосны, и озеро, и вот
передо мной огромный корень на берегу — почти
с меня ростом, голый, отполированный волнами,
причудливый и похожий на осьминога. Я сразу
полюбил его и прихожу к нему каждый день.
Присев на осьминога, достаю блокнот и пишу свое
повествование, заканчиваю первую часть.

И душа успокаивается, мне хорошо, потому что рядом сосны и озеро, и зелено-желто-оранжевые краски осени светятся под неярким солнцем.

Из сосняка вышла молодая женщина, взглянула на меня и пошла вдоль берега. Кто она — случайная прохожая, не знаю.

Я думаю о женщине. О том, как я во многом виноват перед женщиной. Но все равно в свои лета не утратил наивной веры в ее таинство. И это повествование — мой ответ на наши нравы, на наше лимоновское порновремя.

Великий Бердяев считал отношения между мужчиной и женщиной самой важной темой, главной проблемой человечества. Иван Бунин начал писать свои «Темные аллеи» на седьмом десятке, а закончил на восьмом. И кто не писал об этом? Вот и я, грешный...

И вспоминаются слова, написанные мною в юности, я уже частично приводил их в своем повествовании, они нелепо романтичны, но все равно я горжусь ими, сказанными о женщине, о любви.

Ты — нежная, ты бесконечно милая.

Твои слезы — капли росы, твоя улыбка — солнечный луч.

Ты то, что украшает жизнь, делает ее светлой и радостной.

Благодарю тебя, ты так много открыла для меня.

Содержание

РЯДОМ С ТРУПОМ	3
ЗВЕЗДА КАНДИНСКОГО	8
БРАТЬЯ ЖУРБИНЫ	11
ГОЛАЯ ТАИТЯНКА И ВОЛОГОДСКИЙ РОМАН СТАЛИНА	14
РАЗГОВОР С УБИТЫМ	23
СВЯТОСТЬ И РАЗВРАТ	26
ЖИЗНЬ ЕСТЬ БЕЛОК	37
ШТУРМ ВОЛОГОДСКОГО БЕЛОГО ДОМА	40
ЭТО Я, НАТАШЕНЬКА	44
ОНА ОТКРЫЛА ДВЕРЬ	53
ПЕРЕД ОРГИЕЙ	57
ОРГИЯ	59
ПРЕКРАСНЫЕ ЛЮДИ	61
«СЕКСУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ВОЛОГДЫ»	66
Председатель-порнограф	67
Голубой секретарь	68
Портрет в голом виде	69
Запрещение ЧПД	69
Американка и старлей	71
ЭРОС МАТЕРИ И ДОЧЕРИ	72
ОТПУСТИТЬ УБИЙЦУ?	78
РАЗВЯЗКА	79
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ	86
P.S.	91

Универмаг "ЦЕНТРАЛЬНЫЙ"

всегда в центре
внимания вологжан

Для Вас:

- более десяти тысяч наименований товаров;
- 26 отделов и секторов, 14 филиалов.

Это - "Энциклопедия вологодской торговли".

Оборот ежемесячно - 670 тысяч долларов.

Вологжане называют универмаг самым дорогим магазином города. "Так ли это ?" - спросили мы у директора "Центрального" Татьяны Медновой.

И она ответила:

— Я бы очень обиделась, если бы они называли его самым дешевым. Центральный магазин и должен быть дорогим. Он держит марку. А с другой стороны, как посмотреть: по импорту мы действительно самые дорогие, а по отечественным товарам — дешевые. Нигде в городе вы не найдете телевизоров по таким ценам — мы их берем прямо на заводах, минуя посредников. А импорт и должен быть дорог. Это гарантия того, что универмаг не подсунет покупателям низкое качество. А мы гарантируем, что туфли или зонтик, который вы у нас купили, не развалится на второй — третий день. Если даже случится какое — нибудь недоразумение — приходите, всегда товар обменяем!

ЛУЧШАЯ МЕБЕЛЬ—ДЛЯ ВОЛОГДЫ!

Ее вам поставит вологодская фирма «СОЮЗ»

К вашим услугам:

Офисная
мебель

Все для дома

Поставки из

Италии
Финляндии
Словакии
Румынии
Египта
Прибалтики и других стран

—салон по адресу:

Вологда,
Добролюбова, 38
телефон 2-40-74

—салон по адресу:

Вологда,
ул. Ветошкина, 12, ДКЖ
второй этаж

Только в фирме «СОЮЗ»!

спальные гарнитуры, кухонные, для прихожих, кровати полуторные и двухспальные, мягкая мебель, детская, кресла, одеяла, светильники, журнальные и барные столики, жалюзи, вентиляторы, поролон, сейфы и многое другое.

Для череповчан открыт салон «СОЮЗА» по адресу:

Череповец, пр. Строителей, 1, Дворец Культуры строителей
Принимаются заказы по любому вашему желанию и вкусу!

В продаже:

1150 р.

В издательстве «Грифон»

**готовится к изданию вторая
часть романа**

Владимира Аринина

**«Женщинам читать запрещено
или Утаенная любовь
Пушкина»**

**с иллюстрациями
Владимира Корбакова**

**Владимир Аринин
Женщинам читать запрещено**

ISBN 5-87913-003-7

Лицензия ЛР 061950 от 23.12.93.

Формат 60x84/32. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. п. л. 3,5. Тираж 20000.

Заказ 1005

Издательство «Грифон», г. Вологда

Отпечатано в АО «Полиграфист»

г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Аринин Владимир Иванович, пишет современную и историческую прозу, детские сказки и стихи, пьесы и детективы. Автор шести книг («Оранжевая звезда», «Сказки и фантазии», «Тень генералиссимуса», и др.) и шести пьес («Мой гений», «Бумаги Пушкина», «Три греха Дионисия» и др.). Часто выступает в историко-литературном жанре.